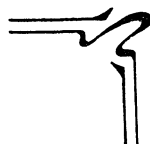
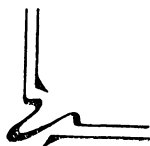

РУССКИЕ
ВЕРНИКИ

РУССКИЙ ВЕРЛИБР

АНТОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
«ЛИО РЕДАКТОР» 1997

Издание осуществлено благодаря помощи
Балтийского Банка и
САО „Ингосстрах — Санкт-Петербург“

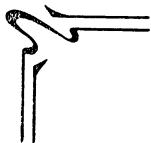
ББК 84.Р7
Р 89

Составитель и автор вступительной статьи
Анатолий Соколов

Художник **Игорь Гибадулин**

ISBN 5—7058—0302—8

© Русский верлибр, 1997
© Соколов А. К., состав., вступ.
статья, 1997
© Гибадулин И. В., обложка,
1997

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ КАНОНА

Верлибр — термин, знакомый и понятный немногочисленным почитателям этого жанра, вызывающий удивление своим звучанием у непосвященных. Слово это французское: vers — стих, libre — свободный. Свободный от формальных атрибутов традиционного стиха — рифмы и ритма.

Литературным жанром в русской поэзии верлибр стал не сразу, но сегодня можно говорить, что он в ней прочно утвердился. Правда, официальное признание существования верлибра не избавило нас от дискуссий относительно его традиционности для русской литературы.

Происхождение верлибра — очень спорный вопрос в литературоведении. Одни считают, что верлибр — явление чуждое и проникновение его к нам обусловлено влиянием иностранной культуры. Другие утверждают, что свободный стих — это исконная форма народной и древней поэзии, и приводят в пример «Слово и полку Игореве».

К первым попыткам писать свободным стихом некоторые литературоведы относят переводы псалмов, сделанные А. Сумароковым. Этот факт часто приводится сторонниками теории библейских истоков верлибра. Подтверждение данной теории в духовных стихах А. Добролюбова, Н. Клюева, С. Есенина и других поэтов нашего века. Если говорить о фольклорных традициях, небезынтересными кажутся свободные стихи А. Пушкина, А. Ремизова, В. Каменского, больше напоминающие народные песни и сказания.

Современный русский верлибр имеет много источников: фольклорная и библейская традиции, влияние немецкой, французской, сербской, японской поэзии.

На современный верлибр, тяготеющий к малым формам, оказали влияние не только лирические свободные стихи В. Хлебникова, М. Кузмина, Н. Рериха, но и философские, афористические произведения, такие, как «Диалоги» Платона, «Мысли» Паскаля, «Опыты» Монтеня. Близки к сегодняшнему пониманию верлибра и некоторые творения русского философа В. Розанова, писавшего: «Двадцать лет живу в непрерывной поэзии... Суть литературы не в вымысле же, а в потребности сказать сердце».

Литературоведы спорят о верлибре, поэты продолжают творить, словно испытывают «возможности разнообразных отступлений от канона: от метрики, от рифмы, от изометрии», как пишет О. Овчаренко в книге «Русский свободный стих». В последние годы вышли стихи Г. Алексеева, В. Бурича, К. Джангирова, В. Куприянова, А. Метса, О. Осипова, Б. Орлова и многих других. По проблемам верлибра защищены диссертации Ю. Орлицким, Г. Кедровой, М. Бузоглы.

Мой путь к верлибру не свободен от сложностей. Помню, как принес свои традиционные стихи на суд друзей-поэтов... Оттачивая рифму, подчиняясь внутреннему ритму стиха, я понимал, что сущность поэзии этим не исчерпывается.

Долгое время не давал мне покоя образ нашего города. И однажды я написал на клочке бумаги:

Мой город, словно срез дерева:
От центра — трещины проспектов,
А вокруг —
Годовые кольца каналов и рек.
Чем дальше от сердцевины,
Тем моложе город.
И я где-то на окраине,
Там, где кора защищает ствол.

...Критики нашли эти строки имеющими отношение к поэтическому творчеству. А в 1990 году вышла моя первая книга верлибров «Срез». Уже потом, когда создавалась ассоциация русских верлибристов и стали более доступны материалы по истории верлибра, мне удалось собрать свободные стихи многих поэтов, они легли в основу цикла радиопередач. Тогда же была составлена эта книга, антология русского верлибра: от А. Сумарокова до С. Есенина, от стихов, близких к прозе, до произведений, граничащих с белым стихом.

Существует множество определений ВЕРЛИБРА. Суть свободного стиха, как такового, передал Давид Самойлов в вызывающе-точных строках, написанных в 1976 году:

Свободный стих —
для лентяев,
для самоучек,
для мистификаторов
(когда без точек и запятых).

Но в руках настоящего мастера
он являет
естественную силу речи,
то есть мысли.

Организованный стих
организован для всех —
для посредственности и таланта,
он подстегивает вдохновение
и подсказывает метафору.

Надо быть слишком уверенным
в собственной ценности,
чтобы посметь изъясняться
свободным стихом.
Отыдите, нерадивые!

Русский верлибр, питаясь от корней нашей традиционной литературы, ощущая веяния мировой культуры, живет в непридуманном окружающем мире с его солнечным светом и ночной тьмой, с его короткими оттепелями и застойными морозами, отображая этот мир по-своему.

Анатолий СОКОЛОВ

Слово живет двойной жизнью...

*То разум говорит „слушаюсь“ звуку,
то чистый звук — чистому разуму...*

*Не трудно заметить, что время
словесного звучания есть брачное время
языка, месяц женихающихся слов, а
время налитых разумом слов, когда
снут пчелы читателя, время осеннего
изобилия, время семьи и детей.*

Велимир Хлебников

Александр СУМАРОКОВ

ДУХОВНЫЯ СТИХОТВОРЕНИЯ ИЛИ ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМОВ

ИСПОВЕМСЯ ТЕБЕ ГОСПОДИ

Возблагодарю тя Господи всем сердцем моим,
И повем чудеса твои:
Возвеселюся и возрадоюся о тебе,
И воспую имени твоему вышний.
Когда враги во бегство обратятся;
Падут и погибнут перед лицом твоим.
Сотворил ты суд и вступился за меня:
Сел еси на престол яко судия праведный:
Изобличал ты народы и казнил беззаконных
И истребил на веки имя их:
Развалины обителей вражьих вечно не устроятся:
Память их исчезла.
А ты Господи пребываеши
На престоле во веки,
Судити вселенной по истинне,
И народам по справедливости.
Господи ты уподобленным попертому праху прибежище,
Прибежище во время их нещастия.
Познавающия имя твое, уповают на тебя;
Ибо ты ищущих тебя не оставиши.
Возыграйте Господу живущему в Сионе:
Поведите во языцех дела его!
Взыскивает он пролитых кровь и помнит о ней:
И вопля утесненных не забывает.
Помилуй мя Господи: зри гонение врагов моих:
Ты, который вознес меня от врат смерти;
Да возведу хвалу тебе во вратах Сиона.

ГОСПОДИ ПРИБЕЖИЩЕ БЫЛО ЕСИ НАМ

Господи от рода в род был ты наша помощь.
Прежде нежели родилися горы,
И рождая их земля чувствовала болезни,
Ты Бог, не было тебе начала и не будет конца.
Ты человека паки во прах претворяеши,
И глаголеши: сыны Адамли! будьте то,
что вы были.

Тысяща лет во очах твоих,
Яко вчерашний день,
И яко строжа ночная.
Лета наши яко сон проходят:
По утру они яко зеленеющая трава:
По утру она цветет и зеленеет,
И сгорая от солнца, ввечеру засыхает.
Живем, тебя гневим и разрушаемся:
И вдруг от ярости твоя исчезаем.
Представляеши пред себя беззакония наши,
И сокровенныя наши прегрешения
пред светом лица твоего.

Сего ради дни наши погибают
предо гневом твоим
Окончаем лета наши, яко краткий разговор.
Время жизни нашея у некоторых семьдесят лет:
Да и сия толь краткая жизнь наполненна
попечениями и горестями.

Так резко по морю бежит корабль
и отлетает от него.
Кто познавает величие твоего гнева,
И ярость твою тако, чтобы он
боятся тебя научился?

Научи нас исправно исчисляти дни наши;
Дабы мы премудрое получили сердце!
Доколе не обратиши к нам? о доколе?
Обратися и сжался над рабами твоими.
Насыти нас во утрии лет наших;

Вижу незнаемый край, и мне сквозь
лазурное небо
Светится издали радостно, ярко
звезда упованья.

МОГИЛА

В лоне твоём глубоком и темном
покоится тайно
Весь человеческий жребий. Скорби рыданье, волнение
Страсти навеки в твой засыпают
целебный приют,
Мука любви и блаженство любви не тревожат там боле
Груды спокойной. О жизнь, ты полная
трепета буря!
Только в безмолвно-хранительном мраке
могилы безвластен
Рок... Мы там забываемся сном беспробудным,
быть может
Сны прекрасные видя... О! там не кипит, не пылает
Кровь, и терзания жизни не рвут охладевшего сердца.

УТЕШЕНИЕ

Слезы свои осуши, проясни омраченное
сердце.
К небу глаза подыми: там Утешитель Отец!
Там Он твою сокрушенную жизнь, твой вздох и молитву
Слышит и видит. Смирися, веруя в благость Его.
Если же силу души потеряешь в страданье и страхе,
К небу глаза подыми: силу Он новую даст!

Александр ПУШКИН

ПЕСНЯ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

Ходил Стенька Разин
В Астрахань-город
Торговать товаром.
Стал воевода
Требовать подарков.
Поднес Стенька Разин
Камки хрущатые,
Камки хрущатые —
Парчи золотые.
Стал воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая:
Полы-то новы,
Одна боброва,
Друга соболья.
Ему Стенька Разин
Не отдает шубы.
«Отдай, Стенька Разин,
Отдай с плеча шубу!
Отдашь, так спасибо;
Не отдашь — повешу
Что во чистом поле
На зеленом дубе,
На зеленом дубе,
Да в собачьей шубе».
Стал Стенька Разин
Думати думу:
«Добро, воевода,
Возьми себе шубу.
Возьми себе шубу,
Да не было б шуму».

Всем красны боярские конюшни:
Чистотой, прислугой и конями;
Всем довольны добрые кони:
Кормом, стойлами и надзором.
Сбруя блещет на стойках дубовых,
В стойлах лоснятся борзые кони.
Лишь одним конюшни непригожи —
Домовой повадился в конюшни.
По ночам ходит он в конюшни,
Чистит, холит коней боярских,
Заплетает гриву им в косички,
Туго хвост завязывает в узел.
Как невзлюбит он вороного.
На вечерней заре с водопою
Обйду я боярские конюшни
И зайду в стойло к вороному —
Конь стоит исправен и смирен.
А поутру отопрешь конюшню,
Конь не тих, весь в мыле, жаром пышет,
С морды каплет кровавая пена.
Во всю ночь домово́й на нем ездил
По горам, по лесам, по болотам,
С полуночь до белого света —
До заката месяца...

Ах ты, старый конюх, неразумный,
Разгадаешь ли, старый, загадку?
Полюбил красну девку младой конюх,
Младой конюх, разгульный парень —
Он конюшню ночью отпирает,
Потихонько вороного седлает,
Полегонько выводит за ворота,
На коня на борзого садится,
К красной девке в гости скачет.

Алексей КОЛЬЦОВ

МОГИЛА

Дума

Чья это могила
Тиха, одинока?
И крест тростниковый,
И насыпь свежа?
И чистое поле
Кругом без дорог?
Чья жизнь отжилася?
Чей кончился путь?
Татарин ли дикий
Свершил здесь убийство
В ночной темноте
И свежую кровью,
Горячею брызнул
На русскую быль?
Или молодая
Жница-поселянка,
Ангела-младенца
На руках лелея,
Оплакала горько
Кончину его?
И под ясным небом
В поле, на просторе,
В цветах васильковых,
Положен дитя.

Веет над могилой,
Веет буйный ветер,
Катит через ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку,
Перекасти-поле.
Будит вольный ветер,
Будит, не пробудит
Дикую пустыню,
Тихий сон могилы! . .
И встают виденья
В душе одинокой. . .

БОЖИЙ МИР

Дума

Отец света — вечность;
Сын вечности — сила;
Дух силы есть жизнь;
Мир жизнью кипит.
Везде триединый,
Воззавший все к жизни!
Нет века ему,
Нет места ему!
С величества трона,
С престола чудес
Божий образ — солнце
К нам с неба глядит
И днем поверяет
Всемирную жизнь.
В другом месте неба
Оно отразилось —
И месяцем землю
Всю ночь сторожит.
Тьма, на лоне ночи
И живой прохлады,
Все стихии мира
Сном благословляет.
Свет дает нам силу,
Возрождает душу.
В царстве Божьей воли,
В переливах жизни —
Нет бессильной смерти,
Нет бездушной жизни!

Михаил ЛЕРМОНТОВ

ПЕСНЯ

Желтый лист о стебель бьется
Перед бурей;
Сердце бедное трепещет
Пред несчастьем.

Что за важность, если ветер
Мой листок одинокой
Унесет далеко;
Пожалеет ли об нем
Ветка сирая;

Зачем грустить молодцу,
Если рок судил ему
Угаснуть в краю чужом?
Пожалеет ли об нем
Красна девица?

* * *

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает;

Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,

И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

Яков ПОЛОНСКИЙ

НОЧЬ В ГОРАХ ШОТЛАНДИИ

Спишь ли ты, брат мой?
Уж ночь остыла;
В холодный,
Серебряный блеск
Потонули вершины
Громадных
Синеющих гор.
И тихо, и ясно,
И слышно, как с гулом
Катится в бездну
Оторванный камень.
И видно, как ходит
Под облаками
На отдаленном
Голом утесе
Дикий козленок.
Спишь ли ты, брат мой?
Гуще и гуще
Становится цвет полуночного неба,
Ярче и ярче
Горят планеты.
Грозно
Сверкает во мраке
Меч Ориона.
Встань, брат!
Из замка
Невидимой лютни
Воздушное пенье
Принес и унес свежий ветер.
Встань, брат!
Ответный,
Пронзительно-резкий
Звук медного рога
Трижды в горах раздавался,
И трижды
Орлы просыпались на гнездах.

Афанасий ФЕТ

* * *

Когда петух,
Ударив три раза
Крылом золотистым,
Протяжную песню
Встречает зарю
И ты, человек,
Впиваешь последнюю
Сладкую влагу
Сна на заре,
Тогда поэт...
Нет! Спи, утомленный
Заботами дня,
Земной страдалец!
Ты не поймешь,
Зачем я бодрствую
В таинственном храме
Прохладной ночи.

Чу! Слышу вздох
Ко мне несется
С мягкого ложа,
Где при серебряной
Луне белеют
Младые ланиты,
Покрытые первым
Шелковым пухом,
И где в беспорядке
Рассыпаны кудри.
А! слышу, слышу, —
Ты также не спишь,
Несчастный влюбленный!

Послушай, что ныне
Я слышал ночью
От чад Сатурна:

Они мне велели
В земных страданиях
Искать исцеленья
У Вакха. Наполним
Стаканы — и оба
Заснем поутру,
Когда другие
Пойдут трудиться.

* * *

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только редко люблю я...
Чаще всего мне приятно скользить
по заливу

Так — забываясь
Под звучную меру весла,
Омоченного пеной шипучей, —
Да смотреть, много ль отъехал
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...

Изо всех островков,
На которых редко мерцают
Огни рыбаков запоздалых,
Мил мне один предпочтительно...
Красноглазый кролик
Любит его;
Гордый лебедь каждой весною
С протянутой шеей летает вокруг
И садится с размаха
На тихие воды.

Над обрывом утеса
Растет, помавая ветвями,
Широколиственный дуб.
Сколько уж лет тут живет соловей!
Он поет по зарям,
Да и поздней ночью, когда
Месяц обманчивым светом
Серебрит и волны и листья,
Он не молкнет, поет
Все громче и громче.

Странные мысли
Приходят тогда мне на ум:
Что это — жизнь или сон?
Счастлив я или только обманут?
Нет ответа...
Мелкие волны что-то шепчут с кормою,
Весло недвижимо,
И на небе ясном высоко сверкает зарница.

* * *

Здравствуй!
Тысячу раз мой привет тебе, ночь!
Опять и опять я люблю тебя,
Тихая, теплая,
Серебром окаймленная!
Робко, свечу потушив, подхожу я к окну...
Меня не видать, зато сам я все вижу...
Дождусь, непременно дождусь:
Калитка вздрогнет, растворяясь,
Цветы, закачавшись, сильнее запахнут, и долго,
Долго при месяце будет мелькать покрывало.

* * *

Ночью как-то вольнее дышать мне,
Как-то просторней...
Даже в столице не тесно!
Окна растворишь:
Тихо и чутко
Плывет прохладительный воздух.
А небо? А месяц?
О; этот месяц-волшебник!
Как будто бы кровли
Покрываются зеркальным стеклом,
Шпили и кресты — бриллианты;
А там, за луной, небосклон —
Чем дальше — светлей и прозрачней.

Смотришь — и дышишь,
И слышишь дыханье свое,
И бой отдаленных часов,
Да крик часового,
Да изредка стук колеса
Или пение вестника утра.
Вместе с зарею и сон налетает
на вежды,
Светел, как призрак.
Голову клонит, — а жаль от окна
оторваться!

НЕПТУНУ ЛЕВЕРЬЕ

Птицей,
Быстро парящей птицей Зевеса
Быть мне судьбою дано всеобъемлющей.
Ныне, крылья раскинув над бездной
Тверди, — ныне над высью я
Горной, там, где у ног моих
Воды,
Вечно несущие белую пену,
Стонут и старый трезубец Нептуна
В темных руках повелителя строгого блещет.
Нет пределов
Кверху, и нет пределов
Книзу.
Здравствуй!
На половинном пути
К вечности здравствуй, Нептун! Над собою
Слышишь ли шумные крылья и ветер,
Спертый нагрудными сизыми перьями?
Здравствуй!
Нет мгновенья покою;
Вслед за тобою летящая
Феба стрела, я вижу, стоит,
С визгом перья поджавши, в эфире.
Ты промчался, пронесся, мелькнул
и сокрылся,

А я!
Здравствуй, Нептун!
Слышишь ли, брат, над собою
Шумный полет? — Я принес
С жаркой, далекой земли,
Трупами тучной,
Лавром шумящей,
Мой привет тебе: здравствуй, Нептун!
Вечно, вечно,
Как бы ни мчался ты, брат мой,
Крылья мои зашумят, и орлиный
Голос к тебе зазвучит по эфиру:
Здравствуй, Нептун!

МОИ АНГЕЛ

Как он прекрасен,
Гость-небожитель!
Он не состарился
С первой улыбки моей в колыбели,
Когда, играя
Златыми плодами
Под вечною райскою пальмою,
Он указал мне
На мать-деву
Страдальца Голгофы — и подле
Двенадцать престолов во славе.
Он тот же, всё тот же —
Кудрявый, с улыбкой,
В одежде блистательно-белой,
С любовью во взоре —
Мой ангел-хранитель...

Василий РОЗАНОВ

* * *

«Счастье в усиллии», говорит молодость.
«Счастье в покое», говорит смерть.
«Все преодолею», говорит молодость.
«Да, но все кончится», говорит смерть.

(ЭЙДКУНЕН — БЕРЛИН, вагон)

* * *

«Что ты все думаешь о себе. Ты бы подумал
о людях».
— Не хочется.

(СПб. — КИЕВ, вагон)

* * *

Болят душа, болят душа, болят душа...
И что делать с этой болью — я не знаю.
Но только при боли я и согласен жить,
Это есть самое дорогое мне и во мне.
(глубокой ночью)

* * *

Я думал, что все бессмертно. И пел песни.
Теперь я знаю, что все кончится. И песня умолкла.
(три года уже)

* * *

Я пролетал около тем, но не летел на темы.
Самый полет — вот моя жизнь. Темы — «как во сне».
Одна, другая... много... и все забыл. Забуду к могиле.
На том свете буду без тем.
Бог меня спросит:
— Что же ты сделал?
— Ничего.

* * *

Есть ли жалость в мире? Красота — да, смысл — да.
Но жалость?
Звезды жалеют ли? Мать — жалеет: и да будет
она выше звезд.
(в лесу)

* * *

Как увядающие цветы люди.

Осень — и ничего нет. Как страшно это «нет».

Как страшна осень.
(на извозчике)

* * *

Душа озябла. . .

Страшно, когда наступает озноб души.

* * *

И восторг переполнит наши души.

На «том свете» мы будем немыми.

Восторг всегда нем.

(за набивкой табаку)

* * *

Язычество — утро, христианство — вечер.

Каждой единичной вещи и целого мира.

Неужели не настанет утра, неужели это последний вечер? . .

* * *

Чем я более всего поражен в жизни? и за всю жизнь?

Неблагодарством.

И — благодарством.

И тем, что благодарное всегда в унижении.

Свинство почти всегда торжествует. Оскорбляющее свинство.

* * *

Мы рождаемся для любви.

И насколько мы не исполнили любви, мы томимся на свете.

И насколько мы не исполнили любви, мы будем

наказаны на том свете.

(1 июля 1912 г.)

* * *

Боль мира победила радость мира — вот христианство.

И мечтается вернуться к радости. Вот тревоги язычества.

* * *

Умей искать уединения, уме́й искать уединения, уме́й
искать уединения.
Уединение — лучший страж души. Я хочу сказать — ее
Ангел Хранитель.
Из уединения — все. Из уединения — силы, из уединения —
чистота.
Уединение — «собран дух», это — я опять «целен».
(за утренним кофе, 31 июля 1912 г.)

* * *

— Ну, что же, придет и вам старость, и также
будете одиноки.
Неинтересны и одиноки.
И издадите стон, и никто не услышит.
И постучите клюкой в чужую дверь, и дверь вам не откроется.
(колесо судеб; поколения)

* * *

Бывало:
— Варя. Где перчатки?
— Я Шуре отдала.
Ей было 12 лет. Она же «дама» и «жена».
Так ходила она всегда «дамой в худых
перчатках».
Теперь (2 года) все лежит, и руки сжаты
в кулачок.

* * *

Не сходи с лестницы своего дома — там зло.
Дальше дома зло уже потому, что дальше —
равнодушие.
(Лисино)

* * *

Что такое литературная душа?
Это Гамлет.
Это холод и пустота.
(укладываясь спать)

* * *

Все погибло, все погибло, все погибло.
Погибла жизнь. Погиб самый смысл ее.
Не усмотрел.

* * *

Родила червяшка червяшку.
Червяшка поползала.
Потом умерла.
Вот наша жизнь.

(3-й час ночи)

* * *

Вселенная есть шествование.
И когда замолкнут шаги — мир кончится.
И теперь уже молчание есть вечерняя заря мира.

* * *

В конце всех вещей — Бог.
И в начале вещей Бог.
Он все.
Корень всего.

* * *

24 декабря

Океан — женщина. Материк — мужчина.
И бури и тишина, и влага и опасность.
И крепость и первобытность и потопление...

(еду в клинику)

* * *

Какими-то затуманенными глазами гляжу
я на мир. И ничего не вижу.
И параллельно внутри вечная игра. Огни. Блестки. Говоры.
Шум народов. Шум бала.
И как росинки откуда-то падают слезы.
Это душа моя плачет о себе.

(у постели больной мамы)

Дмитрий ШЕСТАКОВ

* * *

Нет, не могила страшна —
Страшно забвенье,
Страшно свалиться
Без силы, без воли
В пропасть холодную
Вечного сна...
Благо тому, чью могилу
И крест молчаливый
Дружески мягко веноч обовьет,
Точно объятье
Теплой руки,
Живою поэзией красок.
Вот василек полевой —
Память далекого детства,
И розы тревожный восторг,
Там астр сиротливых мечтательность,
Георгин одинокая гордость,
И тихой фиалки,
Свежей затворницы леса,
Смиренный и всепримирающий
Шепот душистый.

Федор СОЛОГУБ

* * *

Маленькие кусочки счастья, не взял ли я вас
от жизни?

Дивные и мудрые книги,
таинственные очарования музыки,
умилительные молитвы,
невинные, милые детские лица,
сладостные благоухания
и звезды, — недоступные, ясные звезды!
О фрагменты счастья, не взял ли я вас
от жизни!

Что же ты плачешь, мое сердце, что же ты ропщешь?

Ты жалуешься:

«Кратким

и более горьким, чем сладким,
обманом промчалась жизнь,
и ее нет».

Успокойся, сердце мое, замолчи.

Твои биения меня утомили.

И уже воля моя отходит от меня.

* * *

Свободный ветер давно прошумел
И промчался надо мною,
Долина моя тиха и спокойна, —
А чуткая стрела
Над гордою башнею возвышенного дома
Все обращает свое тонкое острие
К далекой и странной области
Мечты.
Уже и самые острые,
Самые длинные
Лучи
Растаяли в мгlistом безмолвии.
Туман поднимается
Над топкими берегами реки,

Усталые дети чего-то просят
И плачут.
Наступает
Моя последняя стража.
Дивный край недостижим, как прежде,
И я, как прежде, только я.

* * *

Моя верховная Воля
Не знает внешней цели.
Зачем же Адонай
Замыслил измену?
Адонай
Взошел на престолы,
Адонай
Требует себе поклоненья, —
И наша слабость,
Земная слабость
Алтари ему воздвигала.
Но всеблагий Люцифер с нами,
Пламенное дыхание свободы,
Пресвятой свет познания,
Люцифер с нами,
И Адонай,
Бог темный и мстящий,
Будет низвергнут
И развенчан
Ангелами, Люцифер, твоими
Вельзевулом и Молохом.

Михаил КУЗМИН

ИЗ КНИГИ «СЕТИ»

МОИ ПРЕДКИ

Моряки старинных фамилий,
влюбленные в далекие горизонты,
пьющие вино в темных портах,
обнимая веселых иностранок;
франты тридцатых годов,
подражающие д'Орсэ и Брюммелю,
внося в позу дэнди
всю наивность молодой расы;
важные, со звездами, генералы,
бывшие милыми повесами когда-то,
сохраняющие веселые рассказы за ромом,
всегда одни и те же;
милые актеры без большого таланта,
принесшие школу чужой земли, играющие
в России «Магомета»
и умирающие с невинным вольтерьянством;
вы — барышни в бандо,
с чувством играющие вальсы Маркалью,
вышивающие бисером кошельки
для женихов в далеких походах,
говеющие в домовых церквях
и гадающие на картах;
экономные, умные помещицы,
хвастающиеся своими запасами,
умеющие простить и оборвать
и близко подойти к человеку,
насмешливые и набожные,
встающие раньше зари зимою;
и прелестно-глупые цветы театральных
училищ,
преданные с детства искусству танцев,
нежно развратные,
чисто порочные,
разоряющие мужа на платья
и выдающие своих детей полчаса в сутки:

и дальше, вдали — дворяне глухих уездов,
какие-нибудь строгие бояре,
бежавшие от революции французы,
не сумевшие взойти на гильотину —
все вы, все вы —
вы молчали ваш долгий век,
и вот вы кричите сотнями голосов,
погибшие, но живые,
во мне: последнем, бедном,
но имеющем язык за вас,
и каждая капля крови
близка вам,
слышит вас,
любит вас;
и вот все вы:
милые, глупые, трогательные, близкие,
благословляйтесь мною
за ваше молчаливое благословенье.

* * *

При взгляде на весенние цветы,
желтые и белые,
милые своею простотой,
я вспоминаю Ваши щеки,
горящие румянцем зари
смутной и страстно тревожащей.

Глядя на быстрые реки,
пенящиеся, бурливые,
уносящие бревна и ветки,
дробящие отраженную голубизну небес,
думаю я о карих,
стоячих,
волнующих своею неподвижностью
глазах.

И следя по вечернему небу
знамен фабричного дыма,
за медленным трепетом
я вижу Ваши волосы
не развевающиеся,

короткие,
и даже еще более короткие,
когда я видел Вас последний раз.

Целую ночь, целый день
я слышу шум машин,
как биение неустанного сердца,
и все утра, все вечера
меня мучит мысль о Вашем сердце,
которое, увы! бьется не для меня,
не для меня!

АЛЕКСАНДРИЙСКИЕ ПЕСНИ

I

ВСТУПЛЕНИЕ

1

Как песня матери
над колыбелью ребенка,
как горное эхо,
утром на пастуший рожок отозвавшееся,
как далекий прибой
родного, давно не виденного моря,
звучит мне имя твое
трижды блаженное:
 Александрия!

Как прерывистый шепот
любовных под дубами признаний,
как таинственный шум
тенистых рощ священных,
как тамбурин Кибелы великой,
подобный дальнему грому и голубей воркованью,
звучит мне имя твое
трижды мудрое:
 Александрия!

Как звук трубы перед боем,
клекот орлов над бездной,
шум крыльев летящей Ники,
звучит мне имя твое
трижды великое:
Александрия!

2

Когда мне говорят: «Александрия»,
я вижу белые стены дома,
небольшой сад с грядкой левкоев,
бледное солнце осеннего вечера
и слышу звуки далеких флейт.

Когда мне говорят: «Александрия»,
я вижу звезды над стихающим городом,
пьяных матросов в темных кварталах,
танцовщицу, пляшущую «осу»,
и слышу звук тамбурина и крики ссоры.
Когда мне говорят: «Александрия»,
я вижу бледно-багровый закат над зеленым
морем,
мохнатые мигающие звезды
и светлые серые глаза под густыми бровями,
которые я вижу и тогда,
когда не говорят мне: «Александрия!»

3

Вечерний сумрак над теплым морем,
огни маяков на потемневшем небе,
запах вербены при конце пира,
свежее утро после долгих бдений,
прогулка в аллеях весеннего сада,
крики и смех купающихся женщин,
священные павлины у храма Юноны,
продавцы фиалок, гранат и лимонов,
воркуют голуби, светит солнце,
когда увижу тебя, родимый город!

II

ЛЮБОВЬ

1

Когда я тебя в первый раз встретил,
не помнит бедная память:
утром ли то было, днем ли,
вечером, или поздней ночью.
Только помню бледноватые щеки,
серые глаза под темными бровями
и синий ворот у смуглой шеи,
и кажется мне, что я видел это в раннем
детстве,
хотя и старше тебя я многим.

2

Ты — как у гадателя отрок:
все в моем сердце читаешь,
все мои отгадываешь мысли,
все мои думы знаешь,
но знание твое тут не велико
и не много слов тут и нужно,
тут не надо ни зеркала, ни жаровни:
в моем сердце, мыслях и думах
все одно звучит разными голосами:
«люблю тебя, люблю тебя навеки!»

3

Наверно в полдень я был зачат,
наверно родился в полдень,
и солнца люблю я с ранних лет
лучистое сиянье.
С тех пор, как увидел я глаза твои,
я стал равнодушен к солнцу:
зачем любить мне его одного,
когда в твоих глазах их двое?

4

Люди видят сады с домами
и море, багровое от заката,
люди видят чаек над морем
и женщин на плоских крышах,
люди видят воинов в латах
и на площади продавцов с пирожками,
люди видят солнце и звезды,
ручьи и светлые речки,
а я везде только и вижу
бледноватые смуглые щеки,
серые глаза под темными бровями
и несравнимую стройность стана, —
так глаза любящих видят
то, что видеть велит им мудрое сердце.

5

Когда утром выхожу из дома,
я думаю, глядя на солнце:
«Как оно на тебя похоже,
когда ты купаешься в речке
или смотришь на дальние огороды!»
И когда смотрю я в полдень жаркий
на то же жгучее солнце,
я думаю про тебя, моя радость:
«Как оно на тебя похоже
когда ты едешь по улице людной!»
И при взгляде на нежные закаты
ты же мне на память приходишь,
когда, побледнев от ласк, ты засыпаешь
и закрываешь потемневшие веки.

6

Не напрасно мы читали богословов
и у риторов учились недаром,
мы знаем значенье каждого слова
и все можем толковать седмиобразно.
Могу найти четыре добродетели в твоём теле

и семь грехов, конечно;
и охотно возьму себе блаженства;
но из всех слов одно неизменно:
когда смотрю в твои серые очи
и говорю «люблю» — всякий ритор
поймет только «люблю» — и ничего больше.

7

Если б я был древним полководцем,
покорил бы я Ефиопию и Персов,
свергнув бы я фараона,
построил бы себе пирамиду
выше Хеопса,
и стал бы
славнее всех живущих в Египте!

Если б я был ловким вором,
обокрал бы я гробницу Менкаура,
продал бы камни александрийским евреям,
накупил бы земель и мельниц,
и стал бы
богаче всех живущих в Египте.

Если б я был вторым Антиноем,
утопившимся в священном Ниле —
я бы всех сводил с ума красотой,
при жизни мне были б воздвигнуты храмы,
и стал бы
сильнее всех живущих в Египте.

Если б я был мудрецом великим,
прожил бы я все свои деньги,
отказался бы от мест и занятий,
сторожил бы чужие огороды —
и стал бы
свободней всех живущих в Египте.

Если б я был твоим рабом последним,
сидел бы я в подземелье

и видел бы раз в год или два года
золотой узор твоих сандалий,
когда ты случайно мимо темниц проходишь,
и стал бы
счастливей всех живущих в Египте.

III

ОНА

1

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
все мы четыре любили, но все имели разные «потому что»:
одна любила, потому что так отец с матерью ей велели,
другая любила, потому что богат был ее любовник,
третья любила, потому что он был знаменитый художник,
а я любила, потому что полюбила.

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
все мы четыре желали, но у всех были разные желанья:
одна желала воспитывать детей и варить кашу,
другая желала надевать каждый день новые платья,
третья желала, чтоб все о ней говорили,
а я желала любить и быть любимой.

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
все мы четыре разлюбили, но все имели разные причины:
одна разлюбила, потому что муж ее умер,
другая разлюбила, потому что друг ее разорился,
третья разлюбила, потому что художник ее бросил,
а я разлюбила, потому что разлюбила.

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
а, может быть, нас было не четыре, а пять?

2

Весною листья меняет тополь,
весной возвращается Адонис
из царства мертвых...
Ты же весной куда уезжаешь, моя радость?

Весною все поедут кататься
по морю иль по садам в предместьях
на быстрых конях...
А мне с кем кататься в легкой лодке?

Весной все наденут нарядные платья,
пойдут попарно в луга с цветами
собирать фиалки...
А мне что ж дома сидеть прикажешь?

3

Сегодня праздник:
все кусты в цвету,
поспела смородина
и лотос плавает в пруду, как улей!
Хочешь,
побежим вперегонку,
по дорожке, обсаженной желтыми розами,
к озеру, где плавают золотые рыбки?
Хочешь,
пойдем в беседку,
нам дадут сладких напитков,
пирожков и орехов,
мальчик будет махать опахалом,
а мы будем смотреть
на далекие огороды с кукурузой?
Хочешь,
я спою греческую песню под арфу,
только уговор:
«Не засыпать
и по окончании похвалить певца и музыканта?»
Хочешь,
я станцую «осу»
одна на зеленой лужайке
для тебя одного?
Хочешь,
я угощу тебя смородиной, не беря руками,
а ты возьмешь губами из губ

красные ягоды
и вместе
поцелуй?
Хочешь, хочешь,
будем считать звезды,
и кто спутается, будет наказан?
Сегодня праздник,
весь сад в цвету,
приди, мой ненаглядный,
и праздник сделай праздником и для меня!

4

Разве неправда,
что жемчужина в уксусе тает,
что вербена освежает воздух,
что нежно голубей воркованье?

Разве неправда,
что я — первая в Александрии
по роскоши дорогих уборов,
по ценности белых коней и серебряной сбруи,
по длине черных кос хитросплетенных?
что никто не умеет
подвести глаза меня искусней
и каждый палец напитать
отдельным ароматом?

Разве неправда,
что с тех пор, как я тебя увидала,
ничего я больше не вижу,
ничего я больше не слышу,
ничего я больше не желаю,
как видеть твои глаза,
серые под густыми бровями,
и слышать твой голос?

Разве неправда,
что я сама дала тебе айву, откусивши,
посылала опытных наперсниц,
платила твои долги до того,
что продала именье,
и все уборы

отдала за любовные напитки?
и разве неправда,
что все это было напрасно?

Но пусть правда,
что жемчужина в уксусе тает,
что вербена освежает воздух,
что нежно голубей воркованье —
будет правдой,
будет правдой
и то,
что ты меня полюбишь!

5

Подражание П. Луису

Их было четверо в этот месяц,
но лишь один был тот, кого я любила.

Первый совсем для меня разорился,
посылал каждый час новые подарки,
и продал последнюю мельницу, чтоб купить мне запрястья,
которые звякали, когда я плясала, — закололся,
но он не был тот, кого я любила.

Второй написал в мою честь тридцать элегий,
известных даже до Рима, где говорилось,
что мои щеки — как утренние зори,
а косы — как полог ночи,
но он не был тот, кого я любила.

Третий, ах третий был так прекрасен,
что родная сестра его удушилась косою
из страха в него влюбиться;
он стоял день и ночь у моего порога,
умоляя, чтоб я сказала: «Приди», но я молчала,
потому что он не был тот, кого я любила.

Ты же не был богат, не говорил про зори и ночи,
не был красив,
и когда на празднике Адониса я бросила тебе гвоздику,
посмотрел равнодушно своими светлыми глазами,
но ты был тот, кого я любила.

Не знаю, как это случилось:
 моя мать ушла на базар;
 я вымела дом
 и села за ткацкий станок.
 Не у порога (клянусь!), не у порога я села,
 а под высоким окном.
 Я ткала и пела;
 что еще? Ничего.
 Не знаю, как это случилось:
 моя мать ушла на базар.

Не знаю, как это случилось:
 окно было высоко.
 Наверно, подкатил он камень,
 или влез на дерево,
 или встал на скамью.
 Он сказал:
 «Я думал, это малиновка,
 а это — Пенелопа.
 Отчего ты дома? Здравствуй!»
 — Это ты, как птица, лазаешь по застрехам,
 а не пишешь своих любезных свитков
 в суде. —
 «Мы вчера катались по Нилу —
 у меня болит голова».
 — Мало она болит,
 что не отучила тебя от ночных гулянок. —
 Не знаю, как это случилось:
 окно было высоко.

Не знаю, как это случилось:
 я думала, ему не достать.
 «А что у меня во рту, видишь?»
 — Чему быть у тебя во рту?
 крепкие зубы да болтливый язык,
 глупости в голове. —
 «Роза у меня во рту — посмотри».
 — Какая там роза! —
 «Хочешь, я тебе ее дам,
 только достань сама».

Я поднялась на цыпочки,
я поднялась на скамейку,
я поднялась на крепкий станок,
я достала алую розу,
а он, негодяй, сказал:
«Ртом, ртом,
изо рта только ртом,
не руками, чур, не руками!»
Может быть, губы мои
и коснулись его, я не знаю.
Не знаю, как это случилось:
я думала, ему не достать.

Не знаю, как это случилось:
я ткала и пела;
не у порога (клянусь), не у порога сидела,
окно было высоко:
кому достать?
Мать, вернувшись, сказала:
«Что это, Зоя,
вместо нарцисса ты выткала розу?
что у тебя в голове?»
Не знаю, как это случилось.

IV

МУДРОСТЬ

1

Я спрашивал мудрецов вселенной:
«Зачем солнце греет?
зачем ветер дует?
зачем люди рождаются?»

Отвечали мудрецы вселенной:
— Солнце греет затем,
чтоб созревал хлеб для пищи
и чтобы люди от заразы мерли.
Ветер дует затем,
чтоб приводить корабли к пристани дальней
и чтоб песком засыпать караваны.

Люди рождаются затем,
чтоб расстаться с милой жизнью
и чтоб от них родились другие для смерти.

«Почему же боги так все создали?»
— Потому же,
почему в тебя вложили желанье
задавать праздные вопросы.

2

Что ж делать,
что багрянец вечерних облаков
на зеленоватом небе,
когда слева уж виден месяц
и космато-огромная звезда,
предвестница ночи —
быстро бледнеет,
тает
совсем на глазах?
Что путь по широкой дороге
между деревьев мимо мельниц,
бывших когда-то моими,
но променянных на запястья тебе,
где мы едем с тобой,
кончается там за поворотом
хотя б и приветливым
домом
совсем сейчас?
Что мои стихи,
дорогие мне,
так же как Каллимаху
и всякому другому великому,
куда я влагаю любовь и всю нежность,
и легкие от богов мысли,
отрада утр моих,
когда небо ясно
и в окна пахнет жасмином,
завтра
забудутся, как и все?
Что перестану я видеть
твое лицо,
слышать твой голос?

Что выпьется вино,
улетучатся ароматы
и сами дорогие ткани
истлеют
через столетья?
Разве меньше я стану любить
эти милые хрупкие вещи
за их тленность?

3

Как люблю я, вечные боги,
прекрасный мир!
Как люблю я солнце, тростники
и блеск зеленоватого моря
сквозь тонкие ветви акаций!
Как люблю я книги (моих друзей),
тишину одинокого жилища,
и вид из окна
на дальние дынные огороды!
Как люблю пестроту толпы на площади,
крики, пенье и солнце,
веселый смех мальчиков, играющих в мяч!
Возвращенье домой
после веселых прогулок,
поздно вечером,
при первых звездах,
мимо уже освещенных гостиниц
с уже далеким другом!
Как люблю я, вечные боги,
светлую печаль,
любовь до завтра,
смерть без сожаленья о жизни,
где все мило,
которую люблю я, клянусь Дионисом,
всею силою сердца
и милой плоти!

Сладко умереть
на поле битвы
при свисте стрел и копий,
когда звучит труба
и солнце светит,
в полдень,
умирая для славы отчизны
и слыша вокруг:
«Прощай, герой!»
Сладко умереть
маститым старцем
в том же доме,
на той же кровати,
где родились и умерли деды,
окруженным детьми,
ставшими уже мужами,
и слыша вокруг:
«Прощай, отец!»
Но еще слаще,
еще мудрее,
истративши все именье,
продавши последнюю мельницу
для той,
которую завтра забыл бы,
вернувшись
после веселой прогулки
в уже проданный дом,
поужинать
и, прочитав рассказ Апулея
в сто первый раз,
в теплой душистой ванне,
не слыша никаких прощаний,
открыть себе жилы;
и чтоб в длинное окно у потолка
пахло левкоями,
светила заря,
и вдалеке были слышны флейты.

Солнце, солнце,
 божественный Ра-Гелиос,
 тобою веселятся
 сердца царей и героев,
 тебе ржут священные кони,
 тебе поют гимны в Гелиополе;
 когда ты светишь,
 ящерицы выползают на камни
 и мальчики идут со смехом
 купаться к Нилу.
 Солнце, солнце,
 я — бледный писец,
 библиотечный затворник,
 но я люблю тебя, солнце, не меньше,
 чем загорелый моряк,
 пахнущий рыбой и соленой водою,
 и не меньше,
 чем его привычное сердце
 ликует
 при царственном твоём восходе
 из океана,
 мое трепещет,
 когда твой пыльный, но пламенный луч
 скользнет
 сквозь узкое окно у потолка
 на исписанный лист
 и мою тонкую желтоватую руку,
 выводящую киноварью
 первую букву гимна тебе,
 о Ра-Гелиос солнце!

V

ОТРЫВКИ

1

Сын мой,
 настало время расстаться.
 Долго не будешь ты меня видеть,
 долго не будешь ты меня слышать,
 а давно ли
 тебя привел твой дед из пустыни
 и ты сказал, смотря на меня:
 «Это бог Фта, дедушка?»
 Теперь ты сам как бог Фта,
 и ты идешь в широкий мир,

и ты идешь без меня,
но Изида везде с тобой.
Помнишь прогулки
по аллеям акаций
во дворе храма,
когда ты говорил мне о своей любви
и плакал, бледнея смуглым лицом?
Помнишь, как со стен храма
мы смотрели на звезды
и город стихал, но далекий?
Я не говорю о божественных тайнах.
Завтра другие ученики придут ко мне,
которые не скажут: «Это бог Фта?»,
потому что я стал старше,
тогда как ты стал походить на бога Фта,
но я не забуду тебя,
и мои думы,
мои молитвы
будут сопровождать тебя в широкий мир,
о сын мой.

2

Когда меня провели сквозь сад
через ряд комнат — направо, налево —
в квадратный покой,
где под лиловатым светом сквозь занавески
лежала
в драгоценных одеждах
с браслетами и кольцами
женщина, прекрасная, как Гатор,
с подведенными глазами и черными косами —
я остановился.
И она сказала мне:
«Ну?»,
а я молчал,
и она смотрела на меня, улыбаясь,
и бросила мне цветок из волос,
желтый.
Я поднял его и поднес к губам,
и она, косясь, сказала:
«Ты пришел затем,
мальчик,
чтобы поцеловать цветок, брошенный на пол?»

— Да, царица, — промолвил я —
и весь покой огласился
звонким смехом женщины
и ее служанок;
Переступая порог,
я сбросил сандалии,
чтобы не вносить в дом веселья
священного песка пустыни.
Взглянув на привратника,
я увидел,
что он был почти нагой —
и мы пошли дальше по коридору,
где издали
звучали бубны навстречу.

4

Снова увидел я город, где я родился
и провел далекую юность;
я знал,
что там уже нет родных и знакомых,
я знал,
что сама память обо мне там исчезла,
но дома, повороты улиц,
далекое зеленое море —
все напоминало мне
неизменное, —
далекие дни детства,
мечты и планы юности,
любовь, как дым улетевшую.
Всем чужой,
без денег,
не зная куда склонить голову,
я очутился в отдаленном квартале,
где из-за спущенных ставен светились огни
из внутренних комнат.
У спущенной занавески
стоял завитой хорошенький мальчик,
и, как я замедлил шаги, усталый,
он сказал мне:
«Авва,
ты кажешься не знающим пути
и не имеющим знакомых,
зайди сюда:
здесь все есть,

чтоб чужестранец забыл одиночество,
и ты можешь найти
веселую беспечную подругу
с упругим телом и душистой косой».
Я медлил, думая о другом,
а он продолжал, улыбаясь:
«Если тебя это не привлекает,
странник,
здесь есть и другие радости,
которых не бежит смелое и мудрое сердце».

VII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ах, покидаю я Александрию
и долго видеть ее не буду!
Увижу Кипр дорогой богини,
увидю Тир, Ефес и Смирну,
увидю Афины — мечту моей юности,
Коринф и далекую Византию
и венец всех желаний,
цель всех стремлений —
увидю Рим великий!
Все я увижу, но не тебя!
Ах, покидаю я тебя, моя радость,
и долго, долго тебя не увижу!
Разную красоту я увижу,
в разные глаза насмотрюсь,
разные губы целовать буду,
разным кудрям дам свои ласки,
и разные имена я шептать буду
в ожиданьи свиданий в разных рощах,
Все я увижу, но не тебя!

* * *

Боги, что за противный дождь!
День и ночь он идет, гулко стуча
в окно.

Так, пожалуй, мне долго ждать,
Чтобы крошка Фотис в садик ко мне пришла.
Страшно ноги смочить в дожде,
Чистой туники жаль, жаль заплетенных
кос.

Можно ль мне на нее роптать:
Дева — нежный цветок, так ей пристало
быть.

Я — мужчина, не хрупкий я,
Что на воду смотреть? Туч ли бояться
мне?

Плащ свой серый накину вмиг,
В дом Фотис постучусь, будто пришелец
чужой.

То-то смеху и резвых игр,
Как узнает меня, кудри откроет мне!
Что, взял, гадкий, ты, гадкий дождь?
Разве я не хитрец? кто не хитер
в любви?

Стукнул в двери моей Фотис, —
Мать мне открыла дверь, старую хмурую
бровь.

«Будет дома сидеть Фотис, —
В сад к подруге пошла: разве ей
страшен дождь?»

В СТАРЫЕ ГОДЫ

Подслушанные вздохи о детстве,
когда трава была зеленее,
солнце казалось ярче
сквозь тюлевый полог кровати,
и когда, просыпаясь,
слышал ласковый голос
ворчливой няни;
когда в дождливые праздники
вместо летнего сада
водили смотреть в галереи
сраженья, сельские пейзажи и семейные
портреты;

когда летом уезжали в деревни,
где круглолицые девушки
работали на полях, на гумне, в амбарах,
и качались на качелях
с простою и милой грацией,
когда комнаты были тихи,
мирны,
уютны,
одинокие читальщики
сидели спиною к окнам
в серые, зимние дни,
а собака сторожила напротив,
смотря умильно,
как те, мечтая,
откладывали недочитанной книгу;
семейные собранья
офицеров, дам и господ,
лицеистов в коротких куртках
и мальчиков в длинных рубашках,
когда сидели на твердых диванах,
а самовар пел на другом столе;
луч солнца из соседней комнаты
сквозь дверь на вошеном полу;
милые рощи, поля, дома,
милые, знакомые, ушедшие лица, —
очарование прошлых вещей, —
вы — дороги,
как подслушанные вздохи о детстве,
когда трава была зеленее,
солнце казалось ярче
сквозь тюлевый полог кровати.

* * *

Сквозь розовый утроем лепестков посмотреть
на солнце,
К алой занавеске медную поднести кадьлицу, —
Полюбоваться на твои щеки.
Лунный луч чрез желтую пропустить
виноградину,
На плоскогорьи уединенное встретить озеро, —
Смотреться в твои глаза.
Золотое, ровное шитье — вспомнить твои волосы,
Бег облаков в Марте — вспомнить твою походку,
Радуги к небу концами встали над вертящейся
мельницей — обнять тебя.

Валерий БРЮСОВ

К НАРОДУ

Давно я оставил высоты,
Где я и отважные товарищи мои,
Мы строили быстрокрылый Арго, —
Птицу пустынных полетов, —
Мечтая перелететь на хребте ее
Пропасть от нашего крайнего края
До сапфирного мира безвестной вершины.

Давно я с тобой, в твоем теченьи, народ,
В твоем многошумном, многоцветном
водовороте,

Но ты не узнал моего горького голоса,
Ты не признал моего близкого лика, —
В пестром плаще скомороха,
Под личиной площадного певца,
С гусями сказителя былых времен.

На полях под пламенным куполом,
На улицах в ущельях стен,
Со страниц стремительной книги,
С подмостков, куда вонзаются взоры,
Я слушал твой голос, народ!
Кто мудрей — у меня своя мудрость!
Кто венценосец? — у меня своя воля!
Кто пророк? — я не лишен благодати!
Но твой голос, народ, — вселенская власть.
Твоему желанию — лишь покоряться,
Твоему кумиру — только служить.

Ты дал мне, народ, мой драгоценнейший дар:
Язык, на котором слагаю я песни.
В моих стихах возвращаю твои тайны — тебе!
Граню те алмазы, что ты сохранил в своих недрах!
Освобождаю напевы, что замкнул ты
в золотой скорлупе!
Я маг, вызывающий духов, тобою рожденных,
нами убитых!

Николай РЕРИХ

ИЗ КНИГИ «ЦВЕТЫ МОРИИ»

* * *

Поверх всяких Россий есть одна
незабываемая Россия.
Поверх всякой любви есть одна
общечеловеческая любовь.
Поверх всяких красот есть одна
красота, ведущая к
познанию Космоса.

І. СВЯЩЕННЫЕ ЗНАКИ

В ТАНЦЕ

Бойтесь, когда спокойное придет
в движенье. Когда посеянные ветры
обратятся в бурю. Когда речь людей
наполнится бессмысленными словами.
Страшиться, когда в земле кладами
захоронят люди свои богатства.
Бойтесь, когда люди сочтут
сохранными сокровища только
на теле своем. Бойтесь, когда возле
соберутся толпы. Когда забудут
о знании. И с радостью разрушат
узнанное раньше. И легко исполнят
угрозы. Когда не на чем будет
записать знание ваше. Когда листы
писаний станут непрочными,
а слова злыми. Ах, соседи мои!
Вы устроились плохо. Вы все
отменили. Никакой тайны дальше
настоящего! И с сумою несчастья
вы пошли скитаться и завоевывать
мир. Ваше безумие назвало самую
безобразную женщину — желанная!
Маленькие танцующие хитрецы!
Вы готовы утопить себя

в танце.

ЗАВТРА

Я знал столько полезных вещей
и теперь все их забыл.
Как обокраденный путник,
как бедняк, потерявший имущество,
я вспоминаю тщетно о богатстве,
которым владел я давно;
вспоминаю неожиданно, не думая,
не зная, когда мелькнет погибшее
знание. Еще вчера я многое знал,
но в течение ночи все затемнело.
Правда, день был велик.
Была ночь длинна и темна.
Пришло душистое утро.
Было свежо и чудесно.
И, озаренный новым солнцем,
забыл я и лишился того,
что было накоплено мною.
Под лучами нового солнца
Знания все растворились.
Я более не умею отличить
врага от друзей.
Я не знаю, когда грозит мне
опасность. Я не знаю, когда
придет ночь. И новое солнце
встретить я не сумею.
Всем этим владел я,
но теперь обеднел.
Обидно, что снова узнаю
нужное не ранее завтра,
а сегодняшний день еще длинен.
Когда придет оно —
завтра?

НАШ ПУТЬ

Путники, сейчас мы проходим
сельской дорогой. Хутора чередуются
полями и рощами. Дети заботятся
о стадах. К нам дети подходят.

Мальчик нам подал чернику
в бересте. Девушка протянула
пучок пахучей травы. Малыш
расстался для нас со своей
в полоску нарезанной палочкой.
Он думал, что с нею нам
будет легче идти. Мы проходим.
Никогда больше не встретим
этих детей. Братья, мы отошли
от хуторов еще недалеко,
но вам уже надоели подарки.
Вы рассыпали пахучую травку.
Ты сломал корзиночку из бересты.
Ты бросил в канаву палочку,
данную малышом. К чему нам
она? В нашем долгом пути.
Но у детей не было ничего другого.
Они дали нам лучшее из того,
что имели, чтобы украсить наш путь.

II. БЛАГОСЛОВЕННОМУ

УВОДЯЩИЙ

Приходящий в ночной тишине,
говорят, что Ты невидим,
но это неправда.
Я знаю сотни людей,
и каждый видел Тебя
хотя бы один раз.
Несколько бедных и глухих
не успели Твой лик разглядеть,
изменчивый многообразно.
Ты не хочешь мешать нашей
жизни. Ты не хочешь нас испугать
и приходишь в тишине и молчанье.
Глаза Твои могут сверкать,
голос Твой может греметь.
И рука может быть тяжела
даже для черного камня.

Но Ты не сверкаешь,
Ты не гремишь
и дашь сокрушенья. Знаешь,
что разрушенье ничтожней покоя.
Ты знаешь, что тишина
громче грома. Ты знаешь,
в тишине приходящий и уводящий.

ОСТАВИЛ

Я приготовился выйти в дорогу.
Все, что было моим, я оставил.
Вы это возьмете, друзья.
Сейчас в последний раз обойду
дом мой. Еще один раз
вещи я осмотрю. На изображенья
друзей я взгляну еще один раз.
В последний раз. Я уже знаю,
что здесь ничто мое не осталось.
Вещи и все, что стесняло меня,
Я отдаю добровольно. Без них
мне будет свободней. К тому,
кто меня призывает освобожденным,
я обращусь. Теперь еще раз
я по дому пройду. Осмотрю еще раз
все то, от чего освобожден я.
Свободен и волен и помышлением
тверд. Изображенья друзей и вид
моих бывших вещей меня
не смущает. Иду. Я спешу.
Но один раз, еще один раз
последний я обойду все что оставил.

НЕ УДАЛЯЛСЯ

Начатую работу Ты мне оставил.
Ты пожелал, чтоб я ее продолжил.
Я чувствую Твое доверие ко мне.
К работе отнесусь внимательно
и строго. Ведь Ты работой этой
занимался сам. Я сяду к Твоему
столу. Твое перо возьму.
Расставлю Твои вещи как
бывало. Пусть мне они помогут.
Но многое не сказано Тобою,
когда Ты уходил. Под окнами
торговцев шум и крики.
Шаг лошадей тяжелый по
камням. И гроыхание колес
оббитых. Под крышею свист
ветра. Снастей у пристани
скрипенье. И якорей тяжелых
удары. И птиц приморских
вопли. Тебя не мог спросить я:
мешало ли Тебе все это?
Или во всем живущем Ты
черпал вдохновенье. Насколько знаю,
Ты во всех решеньях от земли
не удалялся.

ВЕСЕЛИСЯ

За моим окном опять светит
солнце. В радугу оделись все
былинки. По стенам развеваются
блестящие знамена света. От радости
трепещет бодрый воздух. Отчего
ты неспокоен, дух мой? Устрашился
тем — чего не знаешь. Для тебя
закрылось солнце тьмою. И поникли
танцы радостных былинки.
Но вчера ты знал, мой дух,

так мало. Так же точно велико
твое незнание. Но от вьюги было
все так бедно, что себя ты
посчитал богатым. Но ведь солнце
вышло для тебя сегодня. Для тебя
знамена света развернулись.
Принесли тебе былинки радость.
Ты богат, мой дух. К тебе
приходит знание. Знамя света
над тобою блещет!
Веселися!

III. МАЛЬЧИКУ

ВЕЧНОСТЬ

Мальчик, ты говоришь,
что к вечеру в путь соберешься.
Мальчик мой милый, не медли.
Утром выйдем с тобою.
В лес душистый мы вступим
среди молчаливых деревьев.
В студеном блеске росы,
под облаком светлым и чудным
пойдем мы в дорогу с тобою.
Если ты медлишь идти, значит,
еще ты не знаешь, что есть
начало и радость, первоначало и
вечность.

СВЕТ

Мальчик, с сердечной печалью
ты сказал мне, что стал день короче,
что становится снова темнее.
Это затем, чтобы новая радость возникла:
ликование рождению света.

Приходящую радость я знаю.
Будем ждать мы ее терпеливо.
Но теперь, как день станет короче,
всегда непонятно тоскливо проводим мы
свет.

НЕ УБИТЬ?

Мальчик жука умертвил.
Узнать его он хотел.
Мальчик птичку убил,
чтобы ее рассмотреть.
Мальчик зверя убил,
Только для знания.
Мальчик спросил: может ли
он для добра и для знания
убить человека?
Если ты умертвил
жука, птицу и зверя,
почему тебе и людей
не убить?

ТОГДА

Ошибаешься, мальчик! Зла — нет.
Зло сотворить Великий не мог.
Есть лишь несовершенство.
Но оно так же опасно, как то,
что ты злом называешь.
Князя тьмы и демонов нет.
Но каждым поступком
лжи, гнева и глупости
создаем бесчисленных тварей,
безобразных и страшных по виду,
кровожадных и гнусных.
Они стремятся за нами,
наши творенья! Размеры
и вид их созданы нами.
Берегися рой их умножить.
Твои порожденья тобою
питаться начнут. Осторожно

к толпе прикасайся. Жить трудно,
мой мальчик, помни приказ:
жить, не бояться и верить.
Остаться свободным и сильным.
А после удастся и полюбить.
Темные твари все это очень
не любят. Сохнут и гибнут
тогда.

НЕ СЧИТАЙ

Мальчик, значения ссоре не придавай.
Помни, большие — странные люди.
Сказав друг о друге самое злое,
завтра готовы врагов друзьями назвать.
А спасителю другу послать обидное
слово. Уговори себя думать, что злоба
людей неглубока. Думай добрее
о них, но врагов и друзей
не считай!

ПРИ ВСЕХ

Плакать хотел ты и не знал,
можно ли? Ты плакать боялся,
ибо много людей на тебя
смотрело. Можно ли плакать
на людях? Но источник слез
твоих был прекрасен. Тебе
хотелось плакать над безвинно
погибшими. Тебе хотелось лить
слезы над молодыми борцами
за благо. Над всеми, кто отдал
все свои радости за чужую
победу, за чужое горе. Тебе
хочется плакать о них.
Как быть, чтобы люди
не увидали слезы твои?
Подойди ко мне близко.

Я укрою тебя моею одеждой.
И ты можешь плакать,
а я буду улыбаться, и все
поймут, что ты шутил и
смеялся. Может быть, ты
шептал мне слова веселья.
Смеяться ведь можно
при всех.

НАСТАВЛЕНИЕ ЛОВЦУ, ВХОДЯЩЕМУ В ЛЕС

ЛОВЦУ, ВХОДЯЩЕМУ В ЛЕС

Дал ли Рерих из России —
Дал ли Аллам-Минг —
Шри-Ишавара из Тибета —
примите.

Я — С НИМ

В час восхода я уже найду
тебя бодрствующим. Ловец!
Вооруженный сетью, войдешь
ты в лес. Ты приготовился.
Ты умыт и бодр. Тебя
не стесняет одежда. Ты
перепоясан. И свободны
мысли твои. Да, ты
готовился! И простился
с хозяином дома. Ты,
ловец, лес полюбил. И
ловом твоему роду благо
ты принесешь. Затрубить ты готов.
Большую добычу ты наметил
себе. И не убоялся тяжести
ее. Благо! Благо! Вступивший!
Крепки ли сети твои?

Ты их укреплял долгим
трудом? Испытал их
пробными ударами? Ты
весел? И если смех твой
устрашит часть добычи —
не бойся. Но не греми оружием
и не окликай громко ловчих.
Ах, при неумении из ловца
тебя сделают загонщиком.
И даже ловчий будет хозяином
твоим. Собери знание. Соблуди
путь твой. Почему ты
озираешься?

Под красным камнем залег
красный змей. И зеленый мох
скрал зеленую змейку. Но
ее жалко также остро. Уже
с детства тебе твердили
о змеях и о скорпионах.
Целое учение страха! Но
много щебечущих и свистящих
полетит за тобою. И шорох
переползает тропу твою. И
завывание пронзит твое
ухо. Из червей вырастают
киты. И крот становится
тигром. Но ты знаешь
сущность, ловец. Это все —
не твое. Твоя — добыча!
Спеш! Не медли! Вступивший!
Не истрать сети твои на
шакалов. Добычу знает
только ловец.

Иногда тебе кажется, что
ты уже многое знаешь. Но
все-таки, ты знаешь, кем
положены круги камней на
опушке? Что они значат?
И кого предостерегает знак
на высокой сосне? Ты даже
не знаешь, кто наполнил
черепами овраг, в который

ты заглянул? Но если и ты
подвергнешься опасности —
не спускайся в овраг и не
скройся за деревом. У тебя
пути без числа и только
один у оврага. Из преследуемого
сделайся ты нападающим.
Как сильны нападающие и
как бедны оправдывающиеся.
Оставь защищаться другим. Ты
нападай.

Ибо ты знаешь, для чего
вышел ты. И почему ты
не устранился леса. Священный
и страшный и благословенный
лес. Дай ловцу пройти тебя.
Не удержи его. Не скрой
пути и тропинки. И не
испугай. Я ведь знаю, ты
многоголосный. Но я слышал
твои голоса. И ловец мой
возьмет добычу свою. И ты,
ловец, путь свой знай сам.
Не верь зовущим и не
обращайся к сообщающим.
Ты, только ты знаешь
добычу твою. И не предпочтешь
малую добычу и препятствиям
не огорчишься.
Удивляющийся уже открыт
для врага. Впавший в раздумье
теряет сети свои. А
потерявший возвращается
назад в поисках. Но пойдешь
ты вперед, ловец! Все
оставленное позади — не твое.
И ты знаешь это так же,
как я. Ибо ты знаешь все.
И припомнить все можешь.
Ты знаешь о мудрости.
Ты слышал о смелости.
Ты знаешь о нахождении.
И ты проходишь овраг

только для восхода на холм.
И цветы оврага — не твои
цветы. И ручей ложбины не
для тебя. Сверкающие водопады
найдешь ты. И ключи родников
освежат тебя. И перед
тобой расцветет вереск
счастья. Но он цветет —
на высотах.
И будет лучший загон не
у подножья холма. Но твоя
добыча пойдет через хребет.
И, пылая на небе, поднимаясь над
вершиной, она остановится.
И будет озираться. И ты не
медли тогда. Это твой час.
И ты и добыча будете на
высотах. И ни ты, ни добыча
не пожелаете спуститься
в лощину. Это твой час.
Но, закидывая сеть, ты знаешь,
что не ты победил. Ты
взял только свое. Не считай
себя победителем. Ибо все —
победители, но точно не
припомнят.
Я привел тебя к широким
рекам и необъятным
озерам. И я тебе показал
океан. Видевший бесконечное
не потеряется в конечном.
Ибо нет бесконечного леса.
И каждую топь можно обойти.
Ловец! Мы вместе плели твои
сети. Мы вместе ловчих искали.
Мы вместе избирали места
наилучшего лова. Мы вместе
избегали опасности. Вместе
мы утвердили наш путь.
Без меня не познал бы ты
океана. Без тебя не узнаю
радость твоего счастливого

лова. Я люблю тебя, мой
ловец! И Сынам Света я
лов представляю твой.
И если бы ты даже ошибся.
Если бы временно спустился в
ложбину. Если бы даже оглянулся
на черепа. Если бы смехом
отстранил часть добычи. Но
я знаю, что не переставая идешь
ты для лова. Не смущаешься
и не потеряешь пути. Ты
знаешь, как по солнцу путь
находить. И как по вихрю
обернуться к дороге. А кто
зажег его — Солнце? И кто
пригнал его — Вихрь? Но
из области Солнца говорю
с тобою. Твой друг и
наставник и спутник.
Ловчие и загоновожатые пусть
будут друзьями. И после лова,
отдыхая на холме, призови
ловчих и загоновожатых.
Расскажи им, как ты шел
до холма. И почему ловец
не должен ждать по оврагам.
И как на гребне встретил
добычу. И как ты будешь знать,
что эта добыча — тебе. И
как надо миновать малую
добычу. Ибо кто идет
к ней, тот с ней и

пребудет.

Расскажи также, как ловец
несет на себе все признаки
лова. И как он, только он,
знает уменье и добычу свою.
Не разгласи о лове незнающим
о добыче. В час огорчения, в час
бедности они наймутся
загонщиками и через заросли
примут участие в лове. Но

пойми, ловец, пойми ты ловчих.
С ними испей воду у костра
отдыха. Пойми, понимающий.
И, кончая ловлю, почини сети
твои и задумай лов новый.
Не пугайся и не пытайся
пугать. Ибо если не испугаешь,
страх обернется на тебя
еще больший. Задумывай просто.
Ибо все просто. Все прекрасно
прекрасномысленное.
Всякий страх ты победишь
непобедимую сущностью
твоею. Но если задрожешь, то
пораженный, уничтоженный,
не кричащий, не молчащий,
утративший сознание времени,
места и жизни — лишишься
остатков воли. И куда
пойдешь ты?
А если кто из утомленных
законовожатых скажет тебе
против ловли. Не слушай его,
мой ловец! Размягчающие!
Эти заслонившие себя
сомнением! Какова будет
их ловля? И что они
принесут своим близким?
Снова пустую сеть? Снова
желания без исполнений?
Потерянные, как утеряно
их бесценное время. Ловец —
для лова. Не внимай часам
утомления. В эти часы ты
не ловец. Ты — добыча! Вихрь
пройдет. Промолчи. И опять
возьмешь рог свой. Не опаздывая,
не бойся опоздать. И, настигая,
не оберни голову. Все понятное
не понятно. И все объясненное
необъяснимо. И где предел
чудесам?

И еще последнее, о ловец
мой! Если в первый день
лова ты не встретишь
добычу. Не сокрушайся.
Добыча уже идет для тебя.
Знающий ищет. Познавший —
находит. Нашедший изумляется
легкости овладения. Овладевший
поет песнь радости.
Радуйся! Радуйся! Радуйся!
 Ловец,
трижды позванный.

Александр ДОБРОЛЮБОВ

МОЛЕБНОЕ

Andante con fuoco

В одинокой горнице
Я склоняюсь в молении
Пред Великим Господом;
Поклоняюсь сладостный,
Словно цвет предутренний.

Словно цвет предутренний,
Мое сердце дрогнуло;
И зачем Ты встревоженный?
Не покинь бессильного
Средь степей голубеющих.

Средь степей голубеющих,
В одинокой горнице
Я боюсь очей моих,
Я боюсь очей моих,
Моих рук нетрепетных.

* * *

И конец всего — Он есть Все.
Из книги Иисуса сына Сирахова

Пою царство неизменное, неколебимое
Царя Бесконечного
Древнего и Мудрого,
Которого никто не принимает,
Которого страшного имени никто не знает,
Которого никто не видит,
Которого чистого голоса не слышат даже ангелы
Но повинуются Его повеленьям.
Имя Его — Один и Все,
Он Сам в Себе и все во всем.

Кто как Он всегда и везде и нигде?
Он выше всякого времени,
Он выше всякой любви
И всякого слова и разума человеческого.
Он — Слово Слова
И Разум разумов.
У Него разум,
У Него слово,
У Него царство,
У Него сила,
У Него слава,
У Него дело.
Ты открыл тайнейшее имя Твое
сынам человеческим
И от руки их принимаешь венец
голове Своей.

ВЕЧЕРНЯЯ

Смерть, где твое жало?
Ад, где твоя победа?
Сила-же смерти грех,
А жало греха закон.

Из писаний Павла Тарсянина.

Крест Твой, Господин, выше звезд,
Выше неба невидимого,
Выше всякого царства разума
человеческого.
Душу Свою положил Ты за нас
И Дух явил в ночь преисподнюю,
Но тленье и смерть не могли победить
Начальника жизни,
Ибо им невозможно было удержать Его.
Где твое жало, смерть?
Бездна, где твоя победа?
Свободно открылись уста мои на врагов
моих...
Слава Сидящему на престоле и Сыну
Человеческому,
Слава заре вечерней
Света Незаходимого!

Максимилиан ВОЛОШИН

* * *

Отроком строгим бродил я
По терпким долинам
Киммерии печальной,
И дух мой незрячий
Томился
Тоскою древней земли.
В сумерках в складках
Глубоких заливов
Ждал я призыва и знака,
И раз перед рассветом,
Встречая восход Ориона,
Я понял
Ужас ослепшей планеты,
Сыновность свою и сиротство...
Бесконечная жалость и нежность
Переполняют меня.
Я безысходно люблю
Человеческое тело. Я знаю
Пламя,
Тоскующее в разделенности тел.
Я люблю держать в руках
Сухие горячие пальцы
И читать судьбу человека
По линиям вещей ладоней.
Но мне не дано радости
Замкнуться в любви к одному:
Я покидаю всех и никого не забываю.
Я никогда не нарушил того, что
растет;

Не сорвал ни разу
Нераспустившегося цветка:
Я снимаю созревшие плоды,
Облегчая отягченные ветви.
А если я причинял боль,
То потому только,
Что был жалостлив в те мгновенья,
Когда надо быть жестоким,

Что не хотел заиграть до смерти тех,
Кто, прося о пощаде,
Всем сердцем молили
О гибели...

ПОДМАСТЕРЬЕ

Посвящается Ю. Ф. Львовой

Мне было сказано:
Не светлым лирником, что нижеет
Широкие и щедрые слова
На вихри струнные, качающие душу, —
Ты будешь подмастерьем
Словесного, святого ремесла,
Ты будешь кузнецом
Упорных слов,
Вкус, запах, цвет и меру выплавляя
Их скрытой сущности, —
Ты будешь
Ковалем и горнилом,
Чеканщиком монет, гранильщиком камней.
Стих создают — безвыходность,
необходимость, сжатость,
Сосредоточенность...
Нет грани меж прозой и стихом:
Речение,
В котором все слова притерты,
Пригнаны и сплавлены,
Умом и терпугом, паялом и терпеньем,
Становится лирической строфой, —
Будь то страница
Тацита,
Иль медный текст закона.
Для ремесла и духа — единый путь:
Ограниченье себя.
Чтоб научиться чувствовать,
Ты должен отказаться
От радости переживаний жизни,
От чувства отрешиться ради
Сосредоточья воли;

Россию превратить в быка,
Везущего Европу по Босфору,
Осуществить воочью
Все рассказы былых метаморфоз,
Все таинства божественных мистерий,
Преосуществлять за трапезой вино и хлеб
Миллионами пудов и тысячами бочек —
В озера крови, в груды смрадной плоти,
В два года распродать империю,
Замызгать, заплевать, загадить, опозорить,
Кишеть, как червь в ее разверстом теле,
И расползтись, оставив в поле кости
Сухие, мертвые, ошмыганные ветром.

ТЕРРОР

Собирались на работу ночью. Читали
Донесенья, справки, дела.
Торопливо подписывали приговоры.
Зевали. Пили вино.
С утра раздавали солдатам водку.
Вечером при свече
Выкликали по спискам мужчин, женщин.
Сгоняли на темный двор.
Снимали с них обувь, белье, платье.
Связывали в тюки.
Грузили на подводу. Увозили.
Делили кольца, часы.
Ночью гнали разутых, голых
По оледенелым камням,
Под северо-восточным ветром
За город в пустыри.
Загоняли прикладом на край обрыва.
Освещали ручным фонарем.
Полминуты рокотали пулеметы.
Доканчивали штыком.
Еще недобитых валили в яму.
Торопливо засыпали землей.
А потом с широкою русскою песней

Возвращались в город домой.
А к рассвету пробирались к тем же оврагам
Жены, матери, псы.
Разрывали землю. Грызлись за кости.
Целовали милую плоть.

СУД

1

Праху — прах. Я стал давно землей:
Мною
Цвели растенья, мной светило солнце.
Все, что было плотью,
Развеялось, как радужная пыль —
Живая, безымянная.
И океан времен
Катил прибой столетий.

2

Вдруг
Призыв Архангела,
Насквозь сверкающий
Кругами медных звуков,
Потряс вселенную;
И вспомнил себя
Я каждую частицей,
Рассеянную в мире.

3

В трубном вихре плотью
Истлевшие цвели в могилах кости.
В земных утробах
Зашевелилась жизнь.
И травы вяли,
Сохли деревья,
Лучи темнели, холодело солнце.

4

Настало
 Великое молчанье.
 В шафранном
 И тусклом сумраке земля лежала
 Разверстым кладбищем.
 Как бурные нарывы,
 Могильники вздувались, расседались,
 Обнажая
 Побегу бледной плоти: пясти
 Ростками тонких пальцев
 Тянулись из земли,
 Ладони розовели,
 Стебли рук и ног
 С усиьем прорастали,
 Вставали торсы, мускулы вздувались
 И быстро подымалась
 Живая нива плоти,
 Волнуясь и шурша.

5

Когда же темным клубнем
 В комках земли и спутанных волос
 Раскрылась голова
 И мертвые разверзлись очи — небо
 Разодралось, как занавес,
 Исыякло время,
 Пространство сморщилось
 И перестало быть.

6

И каждый
 Внутри себя увидел солнце
 В зверином круге...

7

....И сам себя судил.

ПУТИ РОССИИ

НАПИСАНИЕ О ЦАРЯХ МОСКОВСКИХ

1

Царь Иван был ликом некрасив,
Очи имея серые,
Пронзительны и беспокойны,
Нос протягновенен и покляп.
Ростом велик, а телом сух,
Грудь широка и туги мышцы.
Муж чудных рассуждений,
Многоречив зело,
В науке книжной опытен и дерзок,
А на рабы, от бога данные,
Жестокосерд,
В пролитьи крови
Неумолим.
Жен и девиц сквернил он блудом много.
И множество народа
Немилостивой смертью погубил.
Таков был царь Иван.

2

Царь же Федор
Был ростом мал,
А образ имея постника,
Смирением обложен.
О мире попеченья не имел,
А только о спасении душевном.
Таков был Федор—Царь.

3

Царь Борис — во схиме Боголеп —
Был образом цветущ,
Сладкоречив вельми,
Нищелюбив и благоверен,

Строителен зело и о державе попечителен.
Держась рукой за верх срачицы, клялся
Сию последнюю со всеми разделить.
Единое имел неисправление:
Ко властолюбию несытое желанье
И ко врагам сердечно прилежанье.
Таков был царь Борис.

4

Царевич Федор — сын царя Бориса —
Был отрок чуден,
Благолепием цветущ,
Как в поле крин от Бога преукрашен.
Очи — велики, черны,
Бел лицом,
А возраст среден.
Книжному научен почитанью.
Пустошное али гнилое слово
Из уст его вовек не исходише.

5

Царевна Ксения
Власы имея черны, густы, —
Аки трубы лежаще по плечам.
Бровьми союза, телом изобильна,
Вся светлостью облистана
И млечной белостью
Всетельно облиянна.
Воистину во всех делах чредима.
Любила воспеваемые гласы
И песни духовные,
Когда же плакала —
Блистала еще светлее
Зелной красотой.

6

Расстрига был ростом мал,
 Власы имея руды.
 Безбород и с бородавкой
 У переносицы.
 Пясти тонки,
 А грудь имел широку.
 Мышцы толсты,
 А тело помраченно.
 Обличьем прост,
 Но дерзостен и остроумен в речах
 И в наученьи книжном.
 Конские ристалища любил,
 Был ополчитель смел,
 Ходил танцуя.

7

Марина Мнишек была прельстительна.
 Бела лицом, а брови имея тонки.
 Глаза змеинные. Рот мал. Поджаты губы.
 Возрастом невелика.
 Надменна обращением.
 Любила плясания и игрища
 И пядишася в платья
 Тугие с обручами,
 С камнями и жемчугом,
 Но паче честных камней
 Любяше негритенка.

8

Царь Василий был ростом мал.
 А образом нелеп.
 Очи подслеповаты,
 Скуп и неподатлив,
 Но книжен и хитер.
 Любил наушников,
 Был к волхованьям склонен.

Боярин Федор — во иночестве Филарет —
Роста и полноты был средних.
Был обходителен.
Опальчив нравом.
Владетелен зело.
Божественное писание разумел отчасти.
Но в знании людей был опытен:
Царями и боярами играше
Аки на тавлее.
И роду своему престол Московский
Выиграл.

Так видел их и, видев, записал
Иван Михайлович
Князь Катырев-Ростовский.

Алексей РЕМИЗОВ

* * *

*Вячеславу Ивановичу Иванову
Наташе*

Засни, моя деточка милая!
В лес дремучий по камушкам
Мальчика с пальчика,
Накрепко за руки взявшись и птичек пугая,
Уйдем мы отсюда, уйдем навсегда.
Приветливо нас повстречают красные маки.
Не станет царапать дикая роза в колючках,
Злую судьбу не прокаркает птица-вещунья,
И мимо на ступе промчится косматая ведьма,
Мимо мышиные крылья просвищут
Змия с огненной пастью,
Мимо за медом-малиной Мишка пройдет
косолапый...
Они не такие...
Не тронут.
Засни, моя деточка милая!
Убегут далеко-далеко твои
быстрые глазки...
Не мороз — это солнышко едет
по зорям шелковым,
Скрипят его золотые, большие колеса.
Смотри-ка, сколько играет камней самоцветных!
Растворяет нам дверку избушка
на лапках куриных,
На пятках собачьих.
Резное оконце в красном пожаре...
Раскрылись желанные губки.
Светлое личико ангела краше.
Веют и греют тихие сказки...
Полночь крадется.
Темная темь залегла по путям и дорогам.
Где-то в трубе и за печкой
Ветер ворчливо мурлычет.
Ветер... ты меня не покинешь?
Деточка... милая...

КРАСНЫЙ ЗВОН

Город святого Петра — Санктпетербург!
Полюбил я дворцы твои и площади,
тракты, линии, острова, каналы, мосты,
твою суровую полноводную Неву
и одинокий заветный памятник
огненной скорби —
Достоевского,
твои бедные мостики на Волковом,
твои тесные колтовские улицы,
твои ледяные белые ночи,
твои зимние желтые туманы,
твою болотную осень с одиноким
тонким деревцом,
твои сны,
твою боль.
Полюбил я страстные огни —
огоньки четверговые
на Казанской площади
и в стальные крещенские ночи
медный гул колокольный
Медного всадника.
Разбит камень Петров.
Камень огнем пыхнул.
И стоишь ты в огне —
суровая Нева течет.

* * *

Я стою в чистом поле —
чистое поле пустыня.
Я стою в чистом поле —
ветер веет в пустыню:
грём и топ,
стук железа.

В копотном небе вьется!
крылье, как зарево,
хвост, как пожар.
Наскочья нога ступила на сердце —
рас-
ка-
лена
душа.

* * *

Родина моя просторная, терпеливая
и безмолвная!
Зацвели твои белые сугробные поля
цветом алым громким.
По бездорожью дремучему
дорога пролегла.
Темные темницы стоят настезь —
замки сломаны.
Или горе-зло-кручинное до поры
В подземелье запряталось?
Или горе-зло-кручинное
безоглядно в леса ушло?
Твоя горькая плаха на избы разобрана,
кандалы несносные на пули повылиты,
палач в чернецы пошел.

Родина моя просторная, терпеливая
и безмолвная!

Зашаталась русская земля —
смутен час.
Ты одна стоишь —
на голове тернов венки,
ты одна стоишь —
неколебимая.
По лицу кровавые ручьи текут,
и твоя рубаха белая,

как багряница —
это твоей кровью заалели
белые поля.
Слышу, темное тайком ползет,
пробирается по лесам, по зарослям
горе-зло-кручинное,
кузнецы куют оковы
тяжче-тяжкие.

* * *

Родина моя просторная, терпеливая
и безмолвная!
Прими верных, прими и отчаявшихся,
стойких и шатких,
бодрых и немощных,
прими кровных твоих
и пришлых к тебе,
всех — от мала до велика —
ты одна неколебимая!
Из гари и смуты выведи
на вольный белый свет.

О СУДЬБЕ ОГНЕННОЙ

От слов Гераклита Эфесского

Есть суд над всем, что дышит, живет и растет,
суд огнем.

Огонь
последний судия — все судит и все разрушает.
А молния — кормчий.

Последнее испытание
через огонь.
Огнем
очищается персть.
А молния — кормчий.

Пожжет огонь все, что горит!
В огненном вихре проба для золота
и гибель пищи земной.

И вместо созданного останется
одно созидаемое —
персть и семена для роста.

Все, что дышит, живет и растет,
станет дымом.

И ты своими ноздрями почувешь:
противоборствующее — соединяет,
а разнообразие преобразует в гармонию,
гармония возникает из борьбы.

Молния — кормчий.
Огонь очистительный!
А справа идет его брат
— война —
царь и отец всего,
властитель над богами и людьми;
творя новое право и новую жизнь,
указует судьбу рабов и свободных.

Вечная распря
— война! —
движет весь мир,
распределяет долю.
И все возникает из распри и судьбы.

Все совершается в круге судьбы.
Всякий свет побеждаем.
Свет же последнего суда неизбежен.
И куда убежишь от осиянности?

Сама судьба полагает предел совершения:
безмерно взлетевший низко падает.
И каждому — по его духовной потребности:
ослы солому предпочтут золоту.

Все совершается в круге судьбы.
Люди, звери и камни рождаются, растут
чтобы погибнуть,
и погибают,
чтобы родиться.
Всякий гад бичом Бога пасется.
И сила через судьбу становится правом.
В начале была сила,
по судьбе сила стала правом.
Право правит вселенной,
силой давая на человека.

Разорение права — пожар.
Его ты залей скорее, чем пожар!

В начале была сила,
по судьбе сила стала правом.
И что бы случилось без права?
Хаос, распадение, пыль.
Да станет народ за право,
как за родные стены!

Судьба всемогущая!
Великое единство пути!
Вверх и вниз,
спасения и гибели!
Кто тебя минует, кто тебя избежит?
Не слабые духом, слепленные из грязи,
свиньи в золоте,
куры, купающиеся в пыли и золе.
Судьба! всемогущая!
Кто тебя минует, кто тебя избежит?

ПЛАЧА

Красное солнце, высоко ты плаваешь в синих сумрачных
реках небес — там волнистые поля облаков неустанно бегут.

И ты, сын красного солнца, белый мой свет, ты озаряешь
мать-землю.

И ты, ухо ночи — подруга-луна, ты тихо восходишь, идешь
над землю, следишь за ростом трав, за шумом леса, за
плеском рек, за моим сном.

И ты, семицветная радуга, бык-корова небесных полей, ты
жадно пьешь речную студеную воду.

Пожелайте счастья мне от матери-земли, сколько на небе
осенних звезд!

Пожелайте счастья мне от светлого востока, сколько белых
цветов земляники!

Пожелайте счастья мне от синих сумерек запада, сколько
алых лепестков диких роз!

Пожелайте счастья мне от ледяного севера, сколько зеленых
цветов смородины!

Пожелайте счастья мне от знойного юга, сколько на ниве
золотого зерна!

Пожелайте счастья мне от широкой реки, сколько рыб на
глубоком дне!

Пожелайте счастья мне от дремучего леса, сколько скрыто
вольных птиц!

Пожелайте счастья мне от темного бора, сколько зреет ягод
в бору!

Пожелайте счастья мне от топких болот, сколько сосен стоит
кругом!

Пожелайте счастья мне, солнце! белый свет! луна, радуга!

Пожелайте великим своим пожеланием с поверх головы до
подножия ног.

ИСКРЫ

Тяжко на разоренной земле.

Родина моя!

Душа изболела.

«Если бы были такие могилы, куда бы клали живых,—я лег бы».

Душа не оступелая, душа не задохнувшаяся в мертвых тисках,
еще живая ищет чудес.

И в этом ее последнее спасение. Хочет воплотить не бывшее,
но всем сердцем желаемое и всем духом требуемое.

Посмотрите, как бьется живая, как плясница-птица в руках,
и посмотрится в ночь, не мелькнет ли?

Но нет света.

Ниоткуда не светит.

«Неразумная, есть свет! и этот свет вечно горит изнутри,
из тебя же самой!

Ты жаждешь, хочешь приблизить
срок, твори же из твоей мысли».

И вот восстал и бродит по Руси призрак великого чаяния
истинной веры, истинной свободы.

Если б поджечь цельным огнем, какие б запылали костры!

Не костры, бессильные искры, как потухающие угольки,
сыплются по снегу и сверкают.

Там —

Как ложные звезды.

Я протянул руки —

И пали искры и обожгли мне ладони.

Елена ГУРО

ЕДКОЕ

Пригласили! Наконец-то пригласили.

Липы зонтами, — дачка. . .

Оправляла ситцевую юбочку.

Уже белые платица мелькали,

Уж косые лучи хотели счастья.

Аристончик играл для танцев.

Между лип,

Словно крашенный, лужок был зеленый!

Пригласили: можно веселиться.

Танцевать она не умела

И боялась быть смешной, — оступиться.

Можно присесть бы с краешка,

Где сидели добрые старушки.

Ведь и это было бы веселье:

Посмотреть бы целый вечер, —

чудный вечер —

На таких веселых подруг!

«Сонечка!» Так просто друг друга:

«Маша!», «Оля!»...

Меж собой о чем-то зашептались —

И все вместе убежали куда-то!

Не сумела просто веселиться:

Слишком долго была одна.

Стало больно, больно некстати. . .

Милые платица, недоступные. . .

Пришлось отвернуться и заплакать.

А старушки оказались недобрые:

И неловко, — пришлось совсем уйти.

* * *

Пролегла дорога в стороне,
Не было в ней пути.
А была она за то очень красива!
Да именно за то...

Нет!

Приласкалась к земле эта дорога,
Так прильнула, что душу взяла.
Полюбили мы эту дорогу
На ней поросла трава.

Доля, доля, доляночка!
Доля ты тихая, тихая моя.
Что мне в тебе, что тебе во мне?
А ты меня замучила!

СЛОВА ЛЮБВИ И ТЕПЛА

У кота от лени и тепла разошлись ушки.
Разъехались бархатные ушки.
А кот раски... - ис...
На болоте качались беловатики,
Жил был
Ботик-живогик
Воркотик
Дуратик
Котик пушатик,
Пушончик,
Беловатик,
Кошуратик
Потасик. , .

Александр БЛОК

* * *

На перекрестке,
Где даль поставила,
В печальном весельи встречаю весну.

На земле еще жесткой
Пробивается первая травка.
И в кружеве березки —
Далеко — глубоко —
Лиловые скаты оврага.

Она взманила,
Земля пустынная!

На западе, рдея от холода,
Солнце — как медный шлем война
Обращенного ликом печальным
К иным горизонтам,
К иным временам...

И шишак — золотое облако —
Тянет ввысь белыми перьями
Над дерзкой красою
Лохмотий вечерних моих!

И жалкие крылья мои —
Крылья вороньего пугала —
Пламенеют, как солнечный шлем,
Отблеском вечера...
Отблеском счастья...

И кресты — и далекие окна —
И вершины зубчатого леса —
Все дышит ленивым
И белым размером
Весны.

* * *

Улица, улица...
Тени беззвучно спешащих
Тело продать,
И забвенью купить,
И опять погрузиться
В сонное озеро города — зимнего
холода...

Спите. Забудьте слова лучезарных.

О, если б не было в окнах
Светов мерцающих!
Штор и пунцовых цветочков!
Лиц, наклоненных над скудной работой!

Все тихо.
Луна поднялась.
И облачных перьев ряды
Разбежались далёко.

* * *

К вечеру вышло тихое солнце,
И ветер понес дымки из труб.
Хорошо прислониться к дверному косяку
После ночной попойки моей.

Многое миновалось
И много будет еще,
Но никогда не перестанет радоваться
сердце

Тихую радость
О том, что вы придете,
Сядете на этом старом диване
И скажете простые слова
При тихом вечернем солнце,
После моей ночной попойки.

Я люблю ваше тонкое имя,
Ваши руки и плечи
И черный платок.

* * *

Ночь. Город уgomонился.
За большим окном
Тихо и торжественно,
Как будто человек умирает.

Но там стоит просто грустный,
Расстроенный неудачей,
С открытым воротом,
И смотрит на звезды.

«Звезды, звезды,
Расскажите причину грусти!»

И на звезды смотрит.

«Звезды, звезды,
Откуда такая тоска?»

И звезды рассказывают.
Все рассказывают звезды.

* * *

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?

О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я — сочинитель,
Человек, называющий все по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах
и началах,

Все же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как — только влюбленный
Имеет право на звание человека.

* * *

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Все это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух «Макбета».

Едва дойдя до *пузырей земли*,
О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.
Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.

Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и Франчески.

* * *

Вот девушка, едва развившись,
Еще не потупляясь, не краснея,
Непостижимо черным взглядом
Смотрит мне навстречу.
Была бы на то моя воля,
Просидел бы я всю жизнь в Сеттиньяно,
У выветрившегося камня Септимия Севера.
Смотрел бы я на камни, залитые солнцем,
На красивую загорелую шею и спину
Некрасивой женщины под дрожащими

ТОПОЛЯМИ.

Василий КАМЕНСКИЙ

ЖИТЬ ЧУДЕСНО

Жить чудесно! Подумай:
Утром рано с песнями
Тебя разбудят птицы —
О, не жалея недовиденного сна —
И вытащат взглянуть
На розовое солнечное утро.
Радуйся! Оно для тебя!
Свежими глазами
Взгляни на луг, взгляни!
Огни! Блестят огни!
Как радужно! Легко!
Туманом розовым
Вздыхни. Еще вздохни.
Взгляни на кроткие слезинки
Детей — цветов.
Ты эти слезы назови:
Росинки — радостинки!
И улыбнись им ясным утренним приветом.
Радуйся! Они для тебя.
Жить чудесно! Подумай:
В жаркий полдень
Тебя позовут гостить
Лесные тени.
На добрые протянутые
Чернолапы садись и обними
Шершавый ствол, как мать.
Пить захочешь —
Тут журчеек чурлит —
Ты только наклонись.
Радуйся! Он для тебя.
Жить чудесно!
Подумай:
Вечерняя тихая ласка,
Как любимая сказка,
Усадит тебя на крутой бережок.

Посмотри, как дружок
За дружочком отразились
Густочки в воде.
И кивают. Кому?
Может быть, бороде,
Что трясется в зеленой воде.
Тихо-грустно. Только шепчут
Нежные тайны свои
Шелесточки-листочки.
Жить чудесно! Подумай:
Теплая ночь развернет
Перед тобой синетемную глубь
И зажжет в этой глуби
Семицветные звезды.
Ты долго смотри на них.
Долго смотри.
Они поднимут к себе,
Как подружку-звезду,
Твою вольную душу.
Они принесут тебе
Желанный сон о возлюбленной.
И споют звездным хором:
Радуйся! Жизнь для тебя.

ЗЕЛЕННЫЕ ДЕДЫ

Все шамкают, шепчутся
Дремучие старые совины.
Густо сомкнулись.
Высокие зеленые стрелы
В небо направлены.
Точно стариковские брови,
Седые ветви нависли
И беззубо шепчутся.
По-стариковски глухо
Поскрипывают, кашляют.
И все ворчат, ворчат
На маленьких внучат.

А те, еще совсем подростки,
Наивно тоже качаются,
Легкодумно болтая
Тоненькими веточками,
Да весело заигрывают
С солнечными ленточками,
Что ласково струятся
Сквозь просветы.
Ах, какое им дело
До того, что строгие деды
По привычке шепчутся,
Да все — беззубые — ворчат.
Какое шалунам дело!
Им бы только с ветерком
Поиграть, покачаться,
Только б с солнечными
Ласковыми ленточками
Понежиться, посмеяться.
А деды зелеными головами
Только покачивают,
Седыми глазами
Смотрят на шалунов-внучат.
И все ворчат. Ворчат.

СЕРЕБРЯНЫЕ СТРЕЛКИ

Серебряные стрелки, серебряные стрелки!
В полдень
на речушке Извивушке,
на дощатом плотике,
под зелеными грусточками,
схоронившись от жары,
я лежу.
И, прислонившись
носом к самой воде,
я гляжу на зеленое дно,
И мне все ясно видно.
Вот из-под плотика
выплывают две остроглазые

рыбки и,
сверкнув серебром, убежали.
Из-под камешка
вдруг выскочили пузырьки,
бусами поднялись наверх
и полопались. Кто-то
прошмыгнул в осоку
и оставил мутный след.
Где-то булькнуло.
И под плотик пронеслась
стая серебряных стрелок.
Успокоилось.
Рука течения снова
спокойно стала гладить
зеленые волосы дна.
На солнечном просвете
сквозь кусты в воде
что-то — не видно что —
беленькое, крошечное,
заиграло радужными лучами,
как вечерняя звездочка.
У! Из-под плотика выплыла
целая туча рыбешек.
И вот потянулись вперед,
рассыпались, зашалили,
точно только что выпущенные
школьники из школы.
Ужо подождите учителя —
старого окуня,
или учительницу —
зубастую шуку —
они вам зададут!
Ого! Все разбежались.
То-то. Кто куда?
Потом все — откуда?
Снова столпились
и побежали дальше.
Над головой веретешко
пролетело, за ним кулик.
Ветерок подул,
Закачались кроткие,

зеленые грусточки
над речушкой
Извивушкой.
Хлюпнула вода под плотиком.
Стрельнула серебряная
быстрая стрелка
и запуталась в шелковых
ленточках осоки.
Ну, вот... Ах ты!..
Вот напугала дикая:
чуть не в нос стрельнула
шалыная стрелка.
Я даже отскочил.

ТАНГО С КОРОВАМИ

Жизнь короче визга воробья.
Собака, что ли, плывет там
На льдине по весенней реке?
С оловянным веселием
Смотрим мы на судьбу.
Мы — Открыватели Стран —
Завоеватели Воздуха —
Короли апельсиновых рощ
И скотопромышленники.
Может быть, выпьем
Чарку вина
За здоровье Комет,
Истекающих бриллиантовой кровью.
Или лучше — заведем граммофон.
Ну вас — к черту —
Комолые и утюги!
Я хочу один — один плясать
Танго с коровами
И перекидывать мосты —
От слез
Бычачьей ревности
До слез
Пунцовой девушки.

ДЕВУШКИ БОСИКОМ

Алисе Коонен

Девушки босиком —
Это стихи мои,
Стаи стихийные.

На плечах с золотыми кувшинами
Это черкешенки
В долине Дарьяльской
На камнях у Терека.

Девушки босиком —
На сборе риса загарные,
Напевно-изгибные индианки
С глазами тигриц,
С движеньями первоцветных растений.

Девушки босиком —
Стихи мои первозвучальные
От сердца к сердцу.

Девушки босиком —
Грустинницы солнцевстальные,
Проснувшиеся утром
Для любви и
Трепетных прикосновений.

Девушки босиком —
О, поэтические возможности —
Как северное сияние —
Венчающие
Ночи моего одиночества.

Все девушки босиком —
Все на свете —
Все возлюбленные невесты мои.

* * *

Слоны бились бивнями так,
Что казались белым камнем
Под рукой художника.
Олени заплетались рогами так,
Что казалось, их соединял старинный брак
С взаимными увлечениями и взаимной неверностью.
Реки вливались в море так,
Что казалось: рука одного душит шею другого.

* * *

Люди, когда они любят,
Делающие длинные взгляды
И испускающие длинные вздохи.
Звери, когда они любят,
Наливающие в глаза муть
И делающие удила из пены.
Солнца, когда они любят,
Закрывающие ночи тканью из земель
И шествующие с пляской к своему другу.
Боги, когда они любят,
Замыкающие в меру трепет вселенной,
Как Пушкин — жар любви горничной
Волконского.

* * *

Сон — то сосед снега весной,
То левое непрочное правительство
в какой-то думе.
Коса то украшает темя, спускаясь на плечи,
то косит траву.
Мера то полна овса, то волхвует словом.

ПА-ЛЮДИ

Птица, стремясь ввысь,
Летит к небу,
Панна, стремясь ввысь,
Носит высокие каблуки.
Когда у меня нет обуви,
Я иду на рынок и покупаю ее.
Когда у кого-нибудь нет носу,
Он покупает воску.
Когда у народа нет души,
Он идет к соседнему
И за плату приобретает ее —
Он, лишенный души!!!

* * *

Когда умирают кони — дышат,
Когда умирают травы — сохнут,
Когда умирают солнца — они гаснут,
Когда умирают люди — поют песни.

ЧИСЛА

Я всматриваюсь в вас, о, числа,
И вы мне видите одетыми в звери, в их шкурах,
Рукой опирающимися на вырванные дубы.
Вы даруете единство между змееобразным движением
Хребта вселенной и пляской коромысла,
Вы позволяете понимать века, как быстрого хохота зубы.
Мои сейчас вещеобразно разверзлись зеницы
Узнать, что будет Я, когда делимое его — единица.

ГОЛОД

Почему лоси и зайцы по лесу скачут,
Прочь удаляясь?
Люди съели кору осины,
Елей побеги зеленые...
Жены и дети бродят по лесу
И собирают березы листы
Для щей, для окрошки, борща,
Елей верхушки и серебряный мох —
Пища лесная.
Дети, разведчики леса,
Бродят по рощам,
Жарят в костре белых червей,
Зайчью капусту, гусениц жирных
Или больших пауков — они слаще орехов,
Ловят кротов, ящериц серых,
Гадов шипящих стреляют из лука,
Хлебцы пекут из лебеды.
За мотыльками от голода бегают:
Целый набрали мешок,
Будет сегодня из бабочек борщ —
Мамка сварит.
На зайца, что нежно прыжками скачет по лесу,
Дети, точно во сне,
Точно на светлого мира видение,
Восхищенные, смотрят большими глазами,
Святыми от голода,
Правде не верят.
Но он убегает проворным виденьем,
Кончиком уха чернея.
Вдогонку ему стрела полетела,
Но поздно — сытный обед ускакал.
А дети стоят очарованные...
«Бабочка, глянь-ка, там пролетела...
Лови и беги! А там голубая!..»
Хмуρο в лесу. Волк прибежал издалека
На место, где в прошлом году
Он скушал ягненка.
Долго крутился юлой, все место обнюхал,

Но ничего не осталось —
Дела муравьев, — кроме сухого копытца.
Огорченный, комковатые ребра поджал
И утек за леса.
Там тетеревов алобровых и седых глухарей,
Заснувших под снегом, будет лапой
Тяжелой давить, брызгами снега осыпан...
Лисонька, огневка пушистая,
Комочком на пень взобралась
И размышляла о будущем...
Разве собакою стать?
Людам на службу пойти?
Сеток растянуто много —
Ложись в любую...
Нет, дело опасное,
Съедят рыжую лиску,
Как съели собак!
Собаки в деревне не лают...
И стала лисица пуховыми лапками мыться,
Взвивши кверху огненный парус хвоста.
Белка сказала, ворча:
«Где же мои орехи и желуди? —
Скушали люди!»
Тихо, прозрачно, уж вечерело,
Лепетом тихим сосна целовалась
С осинкой.
Может, назавтра их срубят на завтрак.

* * *

Волга! Волга!
Ты ли глаза-трупы
Возводишь на меня?
Ты ли стреляешь глазами
Сел охотников за детьми,
Исчезающими вечером?
Ты ли возвела мертвые белки
Сел самоедов, обреченных уснуть,
В ресницах метелей,
Мертвые бельма своих городов,
Затерянные в снегу?
Ты ли шамкаешь лязгом
Заколоченных деревень?

Жителей нет — ушли,
Речи ведя о свободе.
Мертвые очи слепца
Ты подымаешь?
Как! Волга, матерью,
Бывало, дикой волчицей
Щетинившая шерсть,
Когда смерть приближалась
К постелям детей —
Теперь сама пожирает трусливо детей,
Их бросает дровами в печь времени?
Кто проколол тебе очи?
Скажи, это ложь!
Скажи, это ложь!
За пяточок построчной платы!
Волга, снова будь Волгой!
Бойко, как можешь,
Взгляни в очи миру!
Граждане города голода.
Граждане голода города.
Москва, остров сытых веков
В волнах голода, в море голода,
Помощи парус взвивай.
Дружнее, удары гребцов!

* * *

В тот год, когда девушки
Впервые прозвали меня стариком
И говорили мне: «Дедушка», — вслух презирая
Оскорбленного за тело, отнюдь не стыдливо
Поданное, но не съеденное блюдо,
Руками длинных ночей,
В лечилицах здоровья, —
В этом я ручье Нарзана
Облил тело свое,
Возмужал и окреп
И собрал себя воедино.
Жилы появились на руках,

Стала шире грудь,
Борода шелковистая
Шею закрывала.

* * *

Ласок
Груди среди травы,
Вы вся — дыханье знойных засух.
Под деревом стояли вы,
А косы
Жмут жгут жестоких жалоб в желоб,
И вы голубыми часами
Закутаны медной косой.
Жмут, жгут их медные струи.
А взор твой — это хата,
Где жмут веретено
Две мачехи и пряжи.
Я выпил вас полным стаканом,
Когда голубыми часами
Смотрели в железную даль.
А сосны ударили в щит
Своей зажурчавшей хвои,
Зажмуривши взоры старух.
И теперь
Жмут, жгут меня медные косы.

* * *

Вши тупо молилися мне,
Каждое утро ползли по одежде,
Каждое утро я казнил их —
Слушай трески, —
Но они появлялись вновь спокойным прибоем.
Мой белый божественный мозг
Я отдал, Россия, тебе:
Будь мною, будь Хлебниковым.
Сваи вбивал в ум народа и оси,

Сделал я свайную хату
«Мы — будетляне».
Все это делал, как нищий,
Как вор, всюду проклятый людьми.

* * *

Ра — видящий очи свои в ржавой и красной
болотной воде,
Созерцающий свой сон и себя
В мышонке, тихо ворующем болотный злак,
В молодом лягушонке, надувшем белые пузыри
в знак мужества,
В траве зеленой, порезавшей красным
почерком стан у девушки, согнутой с серпом,
Собиравшей осоку для топлива и дома,
В струях рыб, волнующих травы, пускающих
кверху пузырьки,
Окруженный Волгой глаз.
Ра — продолженный в тысяче зверей и растений,
Ра — дерево с живыми, бегающими и думающими
листами, испускающими шорохи, стоны.

Волга глаз,
Тысячи очей смотрят на него, тысячи зир и зин.
И Разин,
Мывший ноги,
Поднял голову и долго смотрел на Ра,
Так что тугая шея покраснела узкой чертой.

* * *

Солнца лучи в черном глазу
У быка
И на крыле синей мухи,
Свадебной капли чертой
Мелькнувшей над ним.

ОТКАЗ

Мне гораздо приятнее
Смотреть на звезды,
Чем подписывать
Смертный приговор.
Мне гораздо приятнее
Слушать голоса цветов,
Шепчущих: «Это он!» —
Склоняя головку,
Когда я прохожу по саду,
Чем видеть темные ружья
Стражи, убивающей
Тех, кто хочет
Меня убить.
Вот почему я никогда,
Нет, никогда не буду Правителем!

* * *

Оснегурить тебя
Пороши серебром.
Дать большую метлу,
Право гнать зиму
Тебе дать.

* * *

Приятно видеть
Маленькую пытящую русалку,
Приползшую из леса,
Прилежно стирающей
Тестом белого хлеба
Закон всемирного тяготения!

Святче божий!
Старец, бородой сед!
Ты скажи, кто ты?
Человек ли еси,
Ли бес?
И что — имя тебе?
И холмы отвечали:
Человек ли еси,
Ли бес?
И что — имя тебе?
Молчал.
Только нес он белую книгу
Перед собой
И отражался в синей воде.
И стояла на ней глаголица старая,
И ветер, волнуя бороду,
Мешал идти
И несть книгу.
А стояло в ней:
«Бойтесь трех ног у коня,
Бойтесь трех ног у людей!»
Старче божий!
Зачем идешь?
И холмы отвечали;
Зачем идешь?
И какого ты роду-племени,
И откуда — ты?
Я оттуда, где двое тянут соху,
А третий сохою пашет.
Только три мужика в черном поле
Да тьма воронов!
Вот пастух с бичом,
В узлах чертики
От дождя спрятались.
Загонять коров помогать ему они будут.

Не чертиком масленичным
Я раздуваю себя
До писка смешинного
И рожки плаксивой грудного ребенка.
Нет, я из братского гроба
И похорон — колокол Воли.
Руку свою подымаю
Сказать про опасность.
Далекий и бледный, но не житейский
Мною указан вам путь.
А не большими кострами
Для варки быка
На палубе вашей
Вам знакомых и близких.
Да, я срывался и падал,
Тучи меня закрывали
И закрывают сейчас.
Но не вы ли падали позже
И гнали память крушений,
В камнях невольню лепили
Тенью земною меня?
За то, что напомнил про звезды
И был сквозняком быта этих голяков,
Не раз вы оставляли меня
И уносили мое платье,
Когда я переплывал проливы песни,
И хохотали, что я гол.
Вы же себя раздевали
Через несколько лет,
Не заметив во мне
Событий вершины,
Пера руки времен
За думой писателя.
Я одиноким врачом
В доме сумасшедших
Пел свои песни-лекарства.

* * *

Еще раз, еще раз,
Я для вас
Звезда.
Горе моряку, взявшему
Неверный угол своей ладьи
И звезды:
Он разобьется о камни,
О подводные мели.
Горе и вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьетесь о камни,
И камни будут надсмехаться
Над вами,
Как вы надсмехались
Надо мной.

Я И РОССИЯ

Россия тысячам тысяч свободу дала.
Милое дело! Долго будут помнить про это.
А я снял рубаху.
И каждый зеркальный небоскреб моего волоса,
Каждая скважина
Города тела
Вывесила ковры и кумачовые ткани.
Гражданки и граждане
Меня — государства
Тысячеоконных кудрей толпились у окон.
Ольги и Игоря,
Не по закону
Радуюсь солнцу, смотрели сквозь кожу.
Пала темница рубашки!
А я просто снял рубашку —
Дал солнце народам Меня!
Голый стоял около моря.
Так я дарил народам свободу,
Толпам загара.

Николай ГУМИЛЕВ

МОИ ЧИТАТЕЛИ

Старый бродяга в Аддис-Абебе,
Покоривший многие племена,
Прислал ко мне черного копыеносца
С приветом, составленным из моих стихов.
Лейтенант, водивший канонерки
Под огнем неприятельских батарей,
Целую ночь под южным морем
Читал мне на память мои стихи.
Человек, среди толпы народа
Застреливший императорского посла,
Подошел пожать мне руку,
Поблагодарить за мои стихи.

Много их, сильных, злых и веселых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда,
Верных нашей Планете,
Сильной, веселой и злой,
Возят мои книги в седельной сумке,
Читают их в пальмовой роще,
Забывают на тонущем корабле.

Я не оскорбляю их неврастением,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоедаю многозначительными намеками
На содержимое выеденного яйца,
Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо.
И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во Вселенной,
Скажет: «Я не люблю Вас», —
Я учу их, как улыбнуться,
И уйти, и не возвращаться больше.
А когда придет их последний час,
Ровный, красный туман застелет взоры,

Я научу их сразу припомнить
Всю жестокую, милую жизнь,
Всю родную, странную Землю
И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда.

ОСЕНЬ

Оранжево-красное небо...
Порывистый ветер качает
Кровавую гроздь рябины.
Догоняю бежавшую лошадь
Мимо стекол оранжереи,
Решетки старого парка
И лебединого пруда.
Косматая, рыжая, рядом
Несется моя собака,
Которая мне милее
Даже родного брата,
Которую буду помнить,
Если она издохнет.
Стук копыт участился,
Пыль всё выше.
Трудно преследовать лошадь
Чистой арабской крови.
Придется присесть, пожалуй,
Задохнувшись, на камень
Широкий и плоский,
И удивляться тупо
Оранжево-красному небу,
И тупо слушать
Кричащий пронзительно ветер.

Владислав ХОДАСЕВИЧ

МАТЕРИ

Мама! Хоть ты мне откликнись и выслушай:
Жить в этом мире! Зачем ты меня родила? больно
Мама! Быть может, все сам погубил я
навеки, —
Да, но за что же вся жизнь — как вино,
как огонь, как стрела?
Стыдно мне, стыдно с тобой говорить о любви,
Стыдно сказать, что я плачу о женщине, мама!
Больно тревожить твою безутешную старость
Мукой души ослепленный, мятежной и лживой!
Страшно признаться, что нет никакого
мне дела
Ни до жизни, которой меня ты учила,
Ни до молитв, ни до книг, ни до песен.
Мама, все я забыл! Все куда-то исчезло,
Все растерялось, пока, палимый вином,
Бродил я по улицам, пел, кричал и шатался.
Хочешь одна узнать обо мне всю правду?
Хочешь — признаюсь? Мне нужно совсем не много:
Только бы снова изведать ее поцелуи
(Тонкие губы с полосками рыжих румян!),
Только бы снова воскликнуть: «Царевна!
Царевна!» —
И услышать в ответ: «Навсегда».
Добрая мама! Надень-ка ты старый салопчик,
Да пойди помолись Ченстоховской
О бедном сыне своем
И о женщине с черным бантом!

* * *

Гремите в литавры и трубы, веселые люди!
Напрягайтесь, медные струны!

Словно кровавые луны
Над лесом оливково-черным
Вспарили —

Так всплыли
В избытке позорном
Из пурпура ярые груди.

Напрягайтесь, медные струны,
Гремите в арфах!

Сосцы широко размалеваны,
Она в узорчатых шарфах.
Пляшет.
Гремите, медные струны,
Веселей, музыканты!

Взметались одежды, развязаны банты,
Красные полосы ткани струятся и рдеют...
Пляшет.
Медью окованный
Пояс на бедрах тяжелыми лапами машет.
Быстрее, быстрее, — и пляшет, и пляшет...
Вскинуты руки, бледнеют, немеют.
Стиснула зубы — и липкая кровь
Сочится на бледных губах,
Медленно каплет на груди...
Обильней, обильней...
Черными крыльями страх
Задувает светильни.

Напрягайтесь, медные струны!
Пойте, гремите, — пляшет любовь!
Бейте в кимвалы, в литавры, веселые люди!

* * *

Высокий, молодой, сильный,
Он сидел в моем кабинете,
В котором я каждое утро
Сам вытираю пыль,

И громким голосом,
Хотя я слышу отлично,
Говорил о новой культуре,
Которую он с друзьями
Несет взамен старой.
Он мне очень понравился,
Особенно потому, что попросил займы
Четвертый том Гете,
Чтобы ознакомиться с «Фаустом».
Во время нашей беседы
Я укололся перочинным ножом
И, провожая гостя в переднюю,
Высосал голубую капельку крови,
Проступившую на пальце.

* * *

В городе ночью
Тишина слагается
Из собачьего лая,
Запаха мокрых листьев
И далекого лязга товарных вагонов.
Поздно. Моя дочурка спит,
Положив головку на скатерть
Возле остывшего самовара.
Бедная девочка! У нее нет матери.
Пора бы взять ее на руки
И отнести в постель,
Но я не двигаюсь,
Даже не курю,
Чтобы не испортить тишину, —
А еще потому,
Что я стихотворец.
Это значит, что в сущности
У меня нет ни самовара, ни дочери,
Есть только большое недоумение,
Которое называется: «мир».
И мир отнимает у меня все время.

Игорь СЕВЕРЯНИН

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Как смеют хоронить утром, когда
на небе солнце?
Как смеют ковать цепи, когда не скован
венец?
Как смеют срывать розу, когда она
благоухает?
Как смеют бросать женщину, когда она
полна любви?
Как смеют пить воду, когда в воде падаль?
Как смеют улыбаться, когда существует
скорбь?
Как смеют надеяться, когда есть
разочарованье?
Как смеют жить, когда жизни нет?!..

Николай КЛЮЕВ

* * *

Древний новгородский ветер,
Пахнувший колокольной медью и дымом
бурлацких костров,

Таится в урочищах песен,
В дуплах межстрочных,
В дремучих потемках стихов.

Думы — олонецкие сосны
С киноварной мякотью коры,
С тулей от шапки Ивана-царевича
на макушке,

С шумом гусяного перелета,
С плеском окунным в излуче ветвей —
Живут в моих книгах до вечной поры.
Бобры за постройкой плотины,
Куницы на слезке тетерьей
И синие прошвы от лыж
К мироварнице — келье пустынной,
Где Ярые Очи зырянский Иус
С радельной рубахой на грядке —
Вот мое сердце, и знанье, и путь.

В стране холмогорской, в нерпячем снегу,
Под старым тресковым карбасом,
Нашел я поющий, берестяный след
От лаптя, что сплел Ломоносов:
Горящую пятку змея стерегла,
Последье ж орлы-рыбогоны,
И пять кашалотов в поморье перстов
Познанья Скалу сторожили.
Я пламенем мозга змею прикормил,
Орлов — песнокрылою мыслью,
Пяти кашалотам дал зренье и слух,
Чутье с осязаньем и вкусом, —
Разверзлась пучина, к Познанья Скале
Лазоревый мост обнажая.
Кто раз заглянул в ягеля моих глаз,

В полесье ресниц и межбровья,
Тот видел чертог, где берестяный Спас
Лобзает шафранного Браму,
Где бабья слезинка, созвездием став,
В Медину ведет караваны
И солнце Таити — суропный калач —
Почило на пудожском блюде.

Запечную сказку, тресковую рябь,
Луну в толоконном лукошке,
У парня в серьге талисманый Памир,
В лучине — кометное пламя,
Тюрбан Магомета в старушьем чепце,
Карнак в черемисской больнице —
Все ведает сердце и глаз-изумруд
В зеленые неводы ловит.
Улов непомерный на строчек шесты
Развесила пестунья-память:
Зубатку с кораллом, с дельфином треску,
Архангельский говор с халдейским,
И вышла поэма — ферганский базар
Под сенью карельских погостов.
Пиджачный читатель скупает товар,
Амбары рассудка бездонны,
И звездную тайну странницей зовет,
Стихами жрецов гороскопы.
Ему невдомек, что мой глаз-изумруд —
Зеленое пастбище жизни.

Анна АХМАТОВА

* * *

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днем, —
Начали песни слагать
О великой щедрости божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

* * *

Привольем пахнет дикий мед,
Пыль — солнечным лучом,
Фиалкою — девичий рот,
А золото — ничем.
Водою пахнет резеда
И яблоком — любовь,
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь...
И напрасно наместник Рима
Мыл руки перед всем народом
Под зловещие крики черни;
И шотландская королева
Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома...

* * *

Когда человек умирает,
Изменяются его портреты.
По-другому глаза глядят, и губы
Улыбаются другой улыбкой.
Я заметила это, вернувшись
С похорон одного поэта.
И с тех пор проверяла часто,
И моя догадка подтвердилась.

Осип МАНДЕЛЬШТАМ

НАШЕДШИЙ ПОДКОВУ

Глядим на лес и говорим:
Вот лес корабельный, мачтовый,
Розовые сосны,
До самой верхушки свободные
от мохнатой ноши,
Им бы поскрипывать в бурю,
Одинокими пиниями,
В разъяренном безлесном воздухе;
Под соленою пятою ветра устоит
отвес, пригнанный к пляшущей палубе,
И мореплаватель,
В необузданной жажде пространства,
Влача через влажные рытвины
хрупкий прибор геометра,
Сличит с притяженьем земного лона
Шероховатую поверхность морей.
А вдыхая запах
Смолистых слез, проступивших
сквозь обшивку корабля,
Любуясь на доски,
Заклепанные слаженные в переборки
Не вифлеемским мирным плотником, а другим —
Отцом путешествий, другом морехода, —
Говорим:
— И они стояли на земле,
Неудобной, как хребет осла,
Забывая верхушками о корнях
На знаменитом горном кряже,
И шумели под пресным ливнем,
Безуспешно предлагая небу выменять
на щепотку соли
Свой благородный груз.
С чего начать?
Все трещит и качается.
Воздух дрожит от сравнений.

Ни одно слово не лучше другого,
Земля гудит метафорой,
И легкие двуколки
В броской упряжи густых от натуги птичьих
стай

Разрываются на части,
Соперничая с храпящими любимицами
ристаллищ.

Трижды блажен, кто введет в песнь имя:
Украшенная названьем песнь
Дольше живет среди других —
Она отмечена среди подруг повязкой на лбу,
Исцеляющей от беспамятства, слишком сильного
одуряющего запаха —

Будь то близость мужчины,
Или запах шерсти сильного зверя,
Или просто дух чебра, растертого между ладоней.
Воздух бывает темным, как вода, и все живое
в нем плавает, как рыба,

Плавниками расталкивая сферу,
Плотную, упругую, чуть нагретую, —
Хрусталь, в котором движутся колеса
и шарахаются лошади,
Влажный чернозем Нееры, каждую ночь
распаханный заново

Вилами, трезубцами, мотыгами, плугами.
Воздух замешен так же густо, как земля, —
Из него нельзя выйти, в него трудно войти.
Шорох пробегает по деревьям зеленой
лаптой.

Дети играют в бабки позвонками
умерших животных.
Хрупкое летоисчисление нашей эры
подходит к концу.

Спасибо за то, что было:
Я сам ошибся, я сбился, запутался в счете.
Эра звенела, как шар золотой,
Полая, литая, никем не поддерживаемая,
На всякое прикосновение отвечала
«да» и «нет».

Так ребенок отвечает:
«Я дам тебе яблоко» или «Я не дам
тебе яблоко».

Михаил ЗЕНКЕВИЧ

В СУМЕРКАХ

Не окончив завязавшегося разговора,
Притушив недокуренную папиросу,
Оставив недопитым стакан чаю
И блюдечко с вареньем, где купаются осы,
Ни с кем не попрощавшись, незамеченным
Встать и уйти со стеклянной веранды,
Шурша первыми опавшими листьями,
Мимо цветников, где кружат бражники,
В поле, опыленное лиловой грозой,
Иступленно зовущее воплем сверчков,
С перебоями перепелиных высвистов,
Спокойных, как колотушка ночного сторожа,
Туда, где узкой золотой полоской
Отмечено слиянье земли и неба,
И раствориться в сумерках, не услышав
Кем-то без сожаленья вскользь
Оброненное: «Его уже больше нет»...

Татьяна ВЕЧОРКА

* * *

В парчовом обруче
Краткого платья
Пройдет умная длинноногая крыса.
Смотрите!
Дымя лиловым фонтаном
Надушенных папирос,
Бегут за уважаемым хвостом
Чугунные фраки,
Зализавшие лаком проборы.
Тяжелеют мешки под глазами
От голода,
Урвать из помадного рта
(Пещеры, где звучит эхо мозга) —
Жало поцелуйки.

Георгий АДАМОВИЧ

* * *

Где ты теперь? За утесами плещет море,
По заливам льдины плывут,
И проходят суда с трехцветным широким
флагом.

На шестом этаже, у дрожащего телефона
Человек говорит: «Мария, я вас любил».
Пролетают кареты. Автомобили
За ними гудят. Зажигаются фонари.
Продрогшая девочка бьется продать спички.

Где ты теперь? На стотысячезвездном небе
Миллионом лучей белеет Млечный путь,
И далеко, у глухогудящих сосен, луною
Озаряемая, в лесу, века и века
Угрюмо шумит Ниагара.

Где ты теперь? Иль мой голос уже,
быть может,
Без надежд над землей и ответа лететь
обречен,
И остались в мире лишь волны,
Дробь звонков, корабли, фонари, нищета,
луна, водопады?

Марина ЦВЕТАЕВА

* * *

... Я бы хотела жить с Вами
В маленьком городе,
Где вечные сумерки
И вечные колокола.
И в маленькой деревенской гостинице —
Тонкий звон
Старинных часов — как капельки времени.
И иногда, по вечерам, из какой-нибудь
мансарды —

Флейта.
И сам флейтист в окне
И большие тюльпаны на окнах.
И, может быть, вы бы даже меня не любили...

Посреди комнаты — огромная изразцовая печка,
На каждом изразце — картинка:
Роза — сердце — корабль. —
А в единственном окне —
Снег, снег, снег.

Вы бы лежали — каким я вас люблю:
ленивый,
Равнодушный, беспечный.
Изредка резкий треск
Спички.

Папироса горит и гаснет,
И долго-долго дрожит на ее краю
Серым коротким столбиком — пепел.
Вам даже лень его стряхивать —
И вся папироса летит в огонь.

* * *

В лоб целовать — заботу стереть.
В лоб целую.
В глаза целовать — бессонницу снять.
В глаза целую.
В губы целовать — водой напоить.
В губы целую.
В лоб целовать — память стереть.
В лоб целую.

ДОН-ЖУАН

(Отрывок)

Ровно — полночь.
Луна — как ястреб.
— Что глядишь?
— Так — гляжу.
— Нравлюсь? — Нет.
— Узнаешь? — Быть может.
— Дон-Жуан я.
— А я Кармен.

Владимир МАЯКОВСКИЙ

БАКУ

(Отрывок)

Баку.
Город ветра.
Песок плюет в глаза.
Баку.
Город пожаров.
Полыхание Балахан.
Баку.
Листья — копоть.
Ветки — провода.
Баку.
Ручьи —
 чернила нефти.
Баку.
Плосковерхие дома.
Горбоносые люди.
Баку.
Никто не селится для веселья.
Баку.
Жирное пятно в пиджаке мира.
Баку.
Резервуар грязи,
 но к тебе
я тянусь
 любовью
 более —
чем притягивает дервиша Тибет,
Мекка — правоверного,
 Иерусалим —
 христиан
 на богомолье.

Сергей ЕСЕНИН

СЕЛЬСКИЙ ЧАСОСЛОВ

Вл. Чернявскому

1

О, солнце, солнце,
Золотое, опущенное в мир ведро,
Зачерпни мою душу!
Вынь из кладезя мук
Страны моей.

Каждый день,
Ухватившись за цепь лучей твоих,
Карабкаюсь я в небо.
Каждый вечер
Срываюсь и падаю в пасть заката.

Тяжко и горько мне...
Кровью пьют уста...
Снеги, белые снеги —
Покров моей родины —
Рвут на части.

На кресте висит
Ее тело,
Голени дорог и холмов
Перебиты...

Волком воеет от запала
Ветер...
Ночь, как ворон,
Точит клюв на глаза-озера.
И доскою надкрестною
Прибита к горе заря:

Исус НАЗАРЯНИН Царь ИУДЕЙСКИЙ

О, месяц, месяц!
 Рыжая шапка моего деда,
 Закинута озорным внуком на сук облака,
 Спади на землю...
 Прикрой глаза мои!

 Где ты...
 Где моя родина?

Лыками содрала твои дороги
 Буря,
 Синим языком вылизал снег твой —
 Твою белую шерсть

И лежишь ты, как овца,
 Дрыгая ногами в небо,
 Путая небо с яслями,
 Путая звезды
 С овсом золотистым.

О, путай, путай!
 Путай все, что видишь...
 Не отрекись принять тебя даже с солнцем,
 Похожим на свинью...
 Не испугаюсь просунутого пяточка его
 В частокол
 Души моей.

Тайна твоя велика есть.
 Гибель твоя миру купель
 Предвечная.

О, красная вечерняя заря!
 Прости мне крик мой.
 Прости, что спутал я твою Медведицу
 С черпаком водовоза...

Пастухи пустыни —
 Что мы знаем?..
 Только ведь приходское училище
 Я кончил,
 Только знаю библию да сказки,
 Только знаю, что поет овес при ветре...

Да
 По праздникам
 Играть в гармошку.

Но постиг я...
 Верю, что погибнуть лучше,
 Чем остаться
 С содранною
 Кожей.

Гибни, край мой!

Гибни, Русь моя,
 Начертательница
 Третьего
 Завета.

О звезды, звезды,
 Восковые тонкие свечи,
 Капающие красным воском
 На молитвенник зари,
 Склонитесь ниже!

Нагните пламя свое,
Чтобы мог я,
Привстав на цыпочки,
Погасить его.

Он не понял, кто зажег вас,
О какой я пропел вам
Смерти.

Радуйся,
Земля!

Деве твоей Руси
Новое возвестил я
Рождение.
Сына тебе
Родит она...

Имя ему —
Израмистил,

Пой и шуми, Волга!
В синие ясли твои опрокинет она
Младенца.

Не говорите мне,
Что это
В полном круге
Будет всходить
Луна...

Это он!
Это он
Из чрева неба
Будет высовывать
Голову...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Отступление от канона. Анатолий СОКОЛОВ</i>	3
Александр Сумароков (1718—1777)	7
Василий Жуковский (1783—1852)	12
Александр Пушкин (1799—1837)	14
Алексей Кольцов (1809—1842)	17
Михаил Лермонтов (1814—1841)	19
Яков Полонский (1819—1898)	20
Афанасий Фет (1820—1892)	21
Василий Розанов (1856—1919)	26
Дмитрий Шестаков (1869—1937)	30
Федор Сологуб (1863—1927)	31
Михаил Кузмин (1872—1936)	33
Валерий Брюсов (1873—1924)	55
Николай Рерих (1874—1947)	57
Александр Добролюбов (1876—1944?)	72
Максимилиан Волошин (1877—1932)	75
Алексей Ремизов (1877—1957)	86
Елена Гуро (1877—1913)	93
Александр Блок (1880—1921)	95
Василий Каменский (1884—1961)	101
Велимир Хлебников (1885—1922)	107
Николай Гумилев (1886—1921)	121
Владислав Ходасевич (1886—1939)	123
Игорь Северянин (1887—1941)	126
Николай Клюев (1887—1937)	127
Анна Ахматова (1889—1966)	129
Осип Мандельштам (1891—1938)	130
Михаил Зенкевич (1891—1973)	133
Татьяна Вечорка (1892—1965)	134
Георгий Адамович (1892—1972)	135
Марина Цветаева (1892—1941)	136
Владимир Маяковский (1893—1930)	138
Сергей Есенин (1895—1925)	139

Р 89 Русский верлибр: Антология. (Сост. и вступ. ст. А. К. Соколова). Худож. И. В. Гибадулин. — СПб.: «ЛИО РЕДАКТОР», 1997. — 144 с
ISBN 5—7058—0302—8

Настоящая антология издается впервые. Это наиболее широкое собрание верлибров русских поэтов от А. Сумарокова до С. Есенина. Издание не претендует на полный охват всего, что написано каждым поэтом, но самое характерное составитель включил.

Анатолий Соколов — сам автор двух книг верлибров: «Срез», «Блики», активно работающий поэт, живет в С.-Петербурге.

Издание заинтересует педагогов, студентов, любителей поэзии.

ББК 84.Р7

РУССКИЙ ВЕРЛИБР

Антология

Редактор И. А. Сергеева
Художественный редактор *Н. П. Кооль*
Технический редактор *И. А. Андреева*
Корректор *Е. Н. Капустина*

Лицензия № 070384 от 18 февраля 1992 г.

Сдано в набор 31.01.97. Подписано в печать 06.05.97. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага типографская. Печать высокая. Печ. л. 9,0. Тираж 750 экз.
Заказ 29.

«ЛИО РЕДАКТОР». 190008, С.-Петербург, наб. кан. Грибоедова, д. 170
Типография АО «ВНИИГ им. Б. Е. Веденеева»
195220, С.-Петербург, Гжатская ул., д. 21.

Надвительно прочна
Сихтворная решетка.
Строки - железные прутья
С отточенными острями дном,
Закаленные титнический огнем,
Выстраиваются
Ровными стенками строю.
Полробуй, разогни прутья -
Любой заметит издалика ...
Дух захватывает от высоты,
Когда вырываешься
На воздушном шабе
Верлибры.

А. Соколов